

Сергей Яковлев

Олигархический транзит

Почти документальная история

Глава седьмая

Ночные вахты

Об исчезнувшем судне громко заговорили только через две недели. Точнее, на тринадцатый день. До этого волновались лишь близкие родственники моряков да, вероятно, те, кому это было положено по службе; но если первые заявляли о своей тревоге громко, стучались в официальные двери и пытались раздобыть хоть какую-нибудь информацию о пропавших, то в интересах вторых, видимо, было как можно дольше эту информацию утаивать, и они молчали.

Помог случай. Некий журналист по фамилии Скороходов, сам в недавнем прошлом штурман, открыл в Интернете страничку морских новостей, где рассказывал о современных судах, морских катастрофах, пиратстве и прочих интересных событиях, касающихся торгового флота. Страничка довольно быстро стала среди моряков популярной. Тем более что выразался Скороходов по-свойски, с наивностью неопита резал правду-матку, которую то ли не умели, то ли не желали раскрывать его более искушённые коллеги. До него-то и дошёл закинутый в электронную сеть вопль отчаяния родственников кого-то из моряков с «Global Spring». Журналист сверился со своими архивами, покопался в иностранных базах данных, навёл, где мог, свежие справки и потряс мир новостью. Оказывается, на самом оживлённом перекрестье морских путей, не где-нибудь в водах Африки или на Бермудах, а в сердце старушки Европы, в одночасье исчез большой океанский теплоход, и об этом целых две недели никто даже не пикнул! Ни Мальта, под чьим флагом плавает судно. Ни Финляндия, где зарегистрирован судовладелец. Ни, наконец, Россия, чьи моряки находятся на борту. Молчат грузоотправители (а ведь доски или что бы там ни было — это стоит денег), не тревожится грузополучатель в далёком Бенгази, куда судно так и не пришло. Скороходов тряхнул стариной, произвёл несложные расчёты и показал, что «Global Spring» уже дня четыре как должен стоять в порту. И если его там нет — значит, вполне возможно, что его следует искать на дне, и тогда полное отсутствие следов катастрофы и заговор молчания вокруг неё ещё более изумляют. Чего стоят, спрашивается, суперсовременные средства навигации и связи, обязательные системы оповещения и слежения, строгие международные нормы безопасности судоходства? В какую доисторическую «чёрную дыру» провалился у всех на глазах несчастный теплоход?

Громко и отчётливо сказанное слово не пропадает: сенсацию подхватили сначала западные средства информации, а затем поневоле и российские. Таинственная судьба «Global Spring» стала темой ежедневных новостей. До тех пор безвестный морской журналист стал мелькать на телеэкранах с комментариями. Впрочем, ничего нового из этих комментариев узнать было нельзя: сведений о судне не прибавлялось, а привирать Скороходов, как человек ответственный, не любил. Что касается дипломатических и прочих компетентных ведомств заин-

Окончание. Начало см. в № 4 за 2018 г.

тересованных стран, они продолжали хранить молчание, игнорируя поднятый прессой шум и делая вид, что ничего не случилось.

Однако семьи нескольких моряков, получив столь мощную поддержку, сумели организовать (особенную активность проявили жёны электромеханика Лайнера и капитана Красносёлова, жившие по соседству) и потребовали отчёта у судовладельца. В российском офисе компании «Микофрейт» состоялась встреча, на которую прибыл из Хельсинки исполнительный директор господин Лихонос. (Разумеется, там не было многих, в том числе мамы Миши Бугаева, которая жила в глухом городке далеко от морей и тревожилась за сына в полном одиночестве.) К удивлению собравшихся, хозяйничал на этой встрече офицер местного УФСБ, и в целом она больше походила на допрос родственников, нежели на отчёт перед ними судовладельца. У людей выясняли, когда и при каких обстоятельствах они в последний раз контактировали со своими близкими, пропавшими на «Global Spring». Сам Лихонос больше отмалчивался, сурово хмурясь и плотно сжимая тонкие губы. А под занавес многозначительно заверил: «Это наши кадры и наша общая боль. Мы сделаем всё возможное, чтобы найти беглецов», чем поверг убитый горем народ в недоумение и трепет, предоставив на досуге расшифровывать смысл сказанного. (Некоторое время спустя глава компании вынужден был извиниться перед родственниками моряков за досадную оговорку своего заместителя.)

И всё-таки именно на этой встрече впервые была оглашена информация о странной телефонограмме, поступившей в компанию с борта судна из Ла-Манша.

Это была ещё одна «бомба». Ушлые западные журналисты стали распутывать недолгую ниточку и добрались, конечно, до диспетчера береговой охраны в Дувре, который последним видел «Global Spring» и разговаривал с ним. По словам этого офицера, судно вело себя немного странно, система опознавания на нём не работала, но капитан (или тот, кто говорил от имени капитана) устно сообщил необходимые сведения и уверенно назвал маршрут, поэтому никаких подозрений не вызвал. В конце концов, полагал британский служака, если судно было кем-то захвачено, то капитан не просто мог, но даже обязан был известить об этом береговую службу во время сеанса прямой телефонной связи!

Туповатая законопослушная логика не выдерживала никакой критики. И само происшествие, и реакции на него были напитаны фантазмагориями и гротеском. Однако теперь уже множество людей и в России, и на Западе неотрывно следили за событиями вокруг исчезнувшего судна и были уверены, что загадка рано или поздно разрешится. Кто-то допускал, вероятно, даже самый печальный конец — особенно моряки, знавшие непредсказуемый нрав океана, — но ни в одной голове не могла возникнуть версия, которая через месяц-другой будет явлена всему миру как единственная и не подлежащая ревизии.

До старпома Акимова мировая шумиха доносилась урывками.

В ту ночь его повели по трапу наверх. «Значит, ещё не конец, — машинально подумал Акимов с некоторым облегчением. — Если бы хотели прикончить, сделали бы это где-нибудь на корме. Зачем им на мостике кровь и труп?» С первой минуты в его голове, надо сказать, прокручивались разные варианты поведения, вплоть до неповиновения и бунта. Но в столовой серьёзно поддержать его мог разве что один Чернец (если бы ещё захотел, с ним в последние дни тоже стало твориться что-то неладное), и дело кончилось бы зверскими побоями, а то и стрельбой. Теперь он был даже рад, что проявил выдержку и никого не подставил.

Оказавшись в рубке, старпом сразу всё понял. Капитан, отбивший многодневную вахту, трупом лежал на диванчике в штурманской; по палубе катались пустые коньячные бутылки; последняя обсервация на карте, далеко от всех берегов, была помечена неверной рукой часов восемь назад, и от неё линия курса круто уходила влево вверх.

— Будешь иногда его подменять, — сказал принявший Акимова с рук на руки Боб. — Делать только то, что я скажу. Сунешься, куда не надо, — сразу получишь пулю. Сейчас определяйся, и двигаем.

— Куда двигаем-то?

— Пока на северо-запад.

Похоже, Боб заметал следы.

Выглядел он как в первый день, на его тяжёлом угреватом лице трудно было разглядеть какие-либо переживания или утомление. После полуночи Боб на пару часов исчез с мостика, оставив вместо себя верного Киржака, и старпом догадался, что он иногда всё-таки спал.

Приступая к работе, Акимов попутно пытался разобраться, что осталось целым, чем из аппаратуры можно при удобном случае воспользоваться для связи. Спутниковый телефон с мостика попросту исчез. Радиотелефон ближней связи по УКВ был, судя по всему, цел, хотя и выключен, но в открытом океане и при отсутствии рядом других судов это вещь бесполезная. Тревожную кнопку вывели из строя на его глазах в первый же день. Этот прибор, когда его ломали, должен был послать на берег сигнал о неисправности; неужели даже после этого никто там не забеспокоился?.. Навигационная аппаратура в целом функционировала исправно, на нее не покушались. Радар на много миль вокруг высвечивал пустой океан. За его экраном периодически следил сам Боб — видимо, от судов-то он и уклонялся, изменив курс и сойдя с оживлённых маршрутов. Исправно действовал GPS-приёмник, постоянно выдававший координаты. Сохранился даже старенький радиопеленгатор в штурманской рубке, к которому уже много лет, наверное, никто не притрагивался, — при современных средствах навигации в этом не было нужды. Старпом то и дело наткнулся на него взглядом, когда подходил к столу с картой, как-то ностальгически притягивало его к этому остроугольному железному ящику...

По странному совпадению, именно о нём были первые слова очнувшегося к утру капитана.

— Включи пеленгатор. Хоть музыку послушать, на хрен, — хрипло сказал Красносёлов, приподнявшись на постели и ничуть не удивившись присутствию в рубке старпома. Как будто они снова шли, совсем свободные, в Датских проливах и старпом стоял на вахте, а капитан всего лишь прилёт на минуту отдохнуть.

Акимов обомлел от неожиданной подкаски. Как он мог забыть? Ведь это тоже связь, пускай и односторонняя, — в юности, ещё в бытность практикантом, он ловил по пеленгатору западные голоса, которые не брал ни один транзисторный приёмник... Помедлил секунду и решился, включил тумблер без спроса.

— Спутникам не доверяешь? — тотчас произнёс за спиной бдительный Боб.

— Хорошая морская практика требует применять одновременно разные способы определения места, — рассудительно сказал старпом. — Да и потренироваться лишний раз не мешает...

— Вам эти тренировки вряд ли уже пригодятся, — зловеще предположил Боб.

— Командир, к чему вся эта туфта? — вскипел Красносёлов. — Ты словно рекламный агент похоронного бюро. Помереть-то все когда-нибудь помрём, но зачем столько трендеть об этом? Как соберёшься кончать нас, тогда и кончай, только не наводи тоску заранее.

— Ладно, слушайте. Ничего про себя не услышите. Нет вас больше на свете, понятно?

В полдень капитан заступил на вахту, а старпома сопроводили вниз. Встретили Акимова в столовой с облегчением, кто-то и с нескрываемой радостью, но когда он, посвежевший и возбуждённый, принялся рассказывать, где был и что успел узнать, все как-то потеряли к нему интерес. Казалось, этим сонным людям (хотя они-то спали, а он провёл без сна больше суток) было уже безразлично, в какой точке находится судно и куда движется. Они больше не стремились разгадать тайну своего заточения и не верили в будущее. Даже Светлана отошла, опустив глаза, когда Акимов, запинаясь от волнения, стал говорить про пеленгатор, как им с капитаном почти одновременно пришла в голову мысль воспользоваться им не по прямому назначению, и как они впервые за много дней слушали звуки оттуда...

— Про нас-то говорят? — только и спросил унылым голосом Лайнер. (Сикорский при этом хмыкнул, а Симкин вдруг истерично захохотал, но так же внезапно смолк.)

— Пока нет.

— То-то и оно.

Что ещё бросилось в глаза Акимову, перед тем как он свалился на свой матрас, — это непривычно тихий, растерянный вид Бугаева и свежие иссиня-красные отметины на его не зажившем ещё после старых приключений лице.

К ночи старпома снова взяли наверх. Боб не устанавливал для него с мастером никаких правил и ничего не предreshал, строгого расписания вахт по часам не существовало, но вызовы на мостик примерно в одно и то же вечернее время повторялись теперь изо дня в день.

Акимов был этому рад и не рад. С одной стороны, привычная работа, возможность двигаться, свежий воздух на мостике для него самого были просто спасительны. С другой, его страшно мучило, что все остальные, в том числе Светлана, продолжают оставаться в тесной душной камере, а он ничего не может для них сделать.

Теперь при каждом очередном его возвращении в столовую обстановка там пугающе менялась. Первые дни Акимов думал, что всё это ему кажется по контрасту, после очередного глотка «воли», но знаки были слишком уж осязаемы. Все стали как-то тише и ещё угрюмее. Когда старпом пытался завести отвлечённый разговор, на который ещё недавно живо откликнулись бы и Лайнер, и Сикорский, и Сипенко, и даже Чернец, не говоря уже о всегда готовом вспыхнуть Мише Бугаеве, — его собеседники делались рассеянными и расходились по углам, кто-то чуть ли не втянув голову в плечи, точно боясь наказания. У него вначале мелькнула мысль, уж не считают ли все его теперь провокатором, нарочно вызывающим на откровенность (рецидив былой шпиономании!), но в быту никто, кажется, не стал к нему относиться хуже или с меньшим доверием. А со стороны Светланы, которая не могла солгать, он чувствовал даже больше внимания и тепла к себе, чем прежде.

Однажды Акимов, уловив минуту, признался ей в своём ощущении странных перемен.

— Так ведь порядка стало больше, — просто ответила она.

Это он тоже заметил. Все постели на день тщательно укрывались одеялами. Стёпа каждое утро стал делать в столовой влажную приборку. Когда он застревал со шваброй перед раскиданными на полу носками Жабина или шортами Грибача, хозяева брошенных вещей торопливо и чуть ли не с виноватым видом их прибирали. По утрам не стало грубых перепалок по поводу того, кто кому больше мешает спать. Парашу теперь выносили не «добровольцы» в лице одних и тех же Стёпы и Ивана Егоровича, а строго по очереди, не исключая, например, того же Грибача.

Значительно спокойнее стали проходить обеды: самые наглые больше не расталкивали перед котлом робких и вежливых, не выхватывали у Портянкиной куски получше и не тащили их в свои углы, как одичавшие псы; теперь, как в былые времена, все в одно время чинно усаживались за двумя столами (журнальный столик в «красном уголке» также приспособили для питания), за каждым было закреплено постоянное место. При этом кресло во главе стола команды, которое раньше по праву занимал боцман, уважительно предоставили Акимову, как и положено по старшинству, а Ругинис потеснил на другом торце Ивана Егоровича.

Всё, казалось, было так, как с самого начала хотел устроить старпом. Но радости это не приносило. В целом от перемен, вопреки оптимизму Светланы, веяло не доброй волей и согласием, а чем-то жутковатым. Лайнер больше не рассказывал анекдотов. Глаза Сикорского потускнели, а голос сел, в речи не было уже ни энергии, ни юмора, как если бы человек разом постарел лет на двадцать. На лице Чернеца возникала иногда ироническая ухмылка, но он её поспешно сглатывал и принимал нарочито чинный вид, словно участвовал в погребальной церемонии и чувствовал себя обязанным соблюдать этикет, при этом много чего имея сказать об усопшем нелицеприятного.

Как-то за обедом Акимов, поневоле занимавший председательское место, решил приободрить унылую компанию:

— Мастер на мостике вовсю лаетя с Бобом. И ничего, цел пока. Эти ребята у кого-то на службе, выполняют приказ, сами они не такие уж и злые. А главное, лично от нас им ничего не нужно. Всё ящики треклятые, чтоб они провалились. Вот дурная у нас работа, а? Что в трюм навалят, то и везём. Остаётся только узнать, кто навалил...

— Не надо об этом, — спокойно прервал его с дальнего конца стола Ругинис.

— Почему же не надо?

— Не надо, и всё.

Остальные промолчали, опустив головы. Старпом почувствовал себя дедушкой большого крепкого семейства, брюзжание которого терпят только из уважения к его летам, но нисколько не собираются ему потакать. И в этом, как признавал Акимов, была своя суровая правда: ведь он по большому счёту фальшивил, хотел подыграть настроениям, — а настроения, оказалось, уже не те. «Внуки» незаметно для глаза подросли и заматерели.

Одной из мрачных загадок стало новое поведение Бугаева. Мальчишка был явно запуган. Его, казалось, больше не интересовали ни умные разговоры, ни ящики в первом трюме, ни даже Светлана, предмет недавних столь страстных вождений. На неё он просто не обращал внимания и старательно избегал любых сближений с ней (точно так же, как все другие игнорировали речи старпома, если они не касались элементарных бытовых нужд). Теперь Миша никому не грубил, на вопросы отвечал тихо и неуверенно, всё больше сидел или лежал в одиночестве, иногда, за неимением тетрадошки, машинально чертя пальцем в воздухе какие-то знаки.

Акимов рискнул спросить у него, где это он умудрился подцепить новые фингалы. Бугаев опустил глаза и набычился, за него ответил третий помощник Бородин:

— Не всё понимает. Приходится объяснять.

— Ну, братцы, так нельзя, — искренне возмутился старпом. — Так мы скоро... Иван Егорович, вы-то куда смотрели?

— А что я? — Сипенко виновато улыбнулся. — Тут всё правильно, в общем. Живи и давай жить другим. Ишь выскочка нашёлся!

Старпом пытался вычислить, кто инициатор нового порядка. Откуда вдруг в деградировавшем экипаже, у кучки несчастных, обозлённых людей, возникла такая сплочённая организация? Почему все подчинились дисциплине? Диктатура определённо пришла не со стороны тюремщиков, те во внутреннюю жизнь экипажа не вмешивались. Он искал единоличного вождя, но безуспешно. Никто явным образом не управлял событиями, не распоряжался; не было, кажется, даже идеолога, «серого кардинала», способного руководить за спинами других. Вернее, кандидатов на роли вождей было так много, что разбегались глаза. Первым Акимов заподозрил Ругиниса — человека безусловно сильного и авторитетного, обладающего харизмой; но бывало так, что на него вдруг цыкал патлатый толстяк Бородин, и Ругинис слушался. А Бородин мог, например, дерзко послать подальше сморчок Симкин, и если общество признавало, что Симкин прав, смирялся Бородин. Эти трое безусловно входили в «мафию», образовывали некую авторитетную верхушку. Какими путями она создалась — одному богу известно. «Мафиози» всей душой поддерживал стюард Стёпа, явно симпатизировал им Иван Егорович. Любопытно, что заметные при старом, легальном порядке люди вроде Сикорского, Жабина, Чернеца, даже Грибача, постоянно так или иначе о себе заявлявшие, оказались не у дел, но при этом признали (или вынуждены были признать) новый порядок и составили ему молчаливую опору. Не говоря уже о женщинах и Лайнере, давно тосковавшем по сильной руке.

Самое же интересное, что этот порядок начал устанавливаться именно тогда, когда ненадолго (впрочем, в первую ночь люди могли подумать, что насовсем) исчез старпом. Получалось, что даже та ничтожная власть, по сути — тень власти, которой он обладал в условиях заключения, как-то мешала экипажу организовать самому и выработать единственно возможные нормы выживания в тюрьме.

Нормы были жёсткими, если не сказать жестокими. Личность с её характером, чувствами, фантазиями, прихотями более ничего не стоила, фактически аннули-

ровалась. Предысторий, прежних заслуг и социальных статусов также не существовало. Человек оценивался прежде всего по тому, насколько он был лоялен к сообществу в целом, являлся его частью, в какой мере мог ему услужить или хотя бы не навредить. Всё, что прямо не влияло на выживание сообщества, признавалось несущественным и лишённым смысла; что могло привести тревогу, неудобство, дезорганизацию — немедленно пресекалось. Не следовало проявлять избыточную инициативу, а также думать и говорить о том, чего всё равно не можешь изменить. Источник всех бед — злосчастный груз, лежавший в трюме, — терял в этой системе ценностей всякое значение; точнее, он переходил в разряд необсуждаемых проявлений высших сил, злой судьбы, свершившегося рока; ещё менее могли обсуждаться причины, по которым этот груз появился на судне, равно как и стороны, которые были заинтересованы или, наоборот, не заинтересованы в его перевозке, — всё это было уже чистым умозрением, фантастикой, рассудочным блудом, а потому раздражало. Система была совершенна в своем аполитизме. Поэтому и устроителями нового порядка стали обыватели, в другое время державшиеся в тени (кроме разве что Ругиниса, обывателя в квадрате и потому всегда заметного). Люди, обращавшие на себя внимание в условиях свободы, не могли оставаться лидерами в тюрьме: их коньком были мысль, оригинальность, способность чудить и проявлять интерес к чужим причудам, умение или хотя бы желание высказываться, а здесь требовалось прямо противоположное.

Изменить этот порядок можно было одним способом: предоставив морякам свободу. А поскольку Акимов был не в силах это сделать, ему не оставалось ничего другого, как приноравливаться, удерживая народ от жестоких крайностей, не позволяя дойти до того предела, где начинается бесчеловечность. К тому же он ясно сознавал, что возврат на прежние позиции, даже если бы ему и удалось сокрушить или усознать «мафию», привёл бы только к дальнейшему разложению экипажа. Сплотившись вокруг кучки приземлённых прагматиков, невольники инстинктивно защищались от гибели и безумия, в чём были, конечно, правы.

Перелом произошёл сам собой, и связано это было с первыми обнадёживающими вестями с «воли». В тот вечер, придя на мостик, старпом застал капитана бодрствующим. Красносёлов сидел на своём диване в штурманской с блаженным видом, временами отхлёбывая коньячок прямо из бутылки, и зачем-то подмигнул старпому. В рулевой рубке Боб нервно ходил из угла в угол, часто останавливаясь у радара; на Акимова зыркнул, как тому показалось в темноте, недружелюбно. Ночь была тихая и ясная, на небе высыпали крупные звезды — совсем не те, что светили пару недель назад над северной Балтикой. Акимов оглядел чёрный океан, проверил курс (его за эти дни не раз успели поменять, повинуясь непредсказуемой логике Боба), а когда вернулся в штурманскую к карте, капитан снова настойчиво ему подмигнул и кивком показал приблизиться.

— Сегодня говорили по Би-би-си, — шепнул он. — Похищено судно в Ла-Манше, а на нём какой-то груз. Не то оружие, не то наркотики. Подозревают криминальные разборки... Теперь все на ушах стоять будут! Этот как услышал, сразу велел вырубить...

В эту секунду Боб отшвырнул ночную шторку, отделявшую штурманскую от рулевой, и вошёл к ним.

— О чём пиз..ж?

— Так, — сказал Акимов. — Просто пиз..ж.

Боб ухмыльнулся.

— Не хавайте тухлую приманку, иначе будете на крючке хвостом вертеть.

— Он говорит с нами как с пацанами! — с пьяной обидой сказал Красносёлов, тыча в сторону Боба непослушным пальцем.

— А вы и есть недоумки! Думаете, если сказали по радио, то все сразу кинутся вас искать и освободить? Думаете, они раньше об этом не знали? Все знали, куда больше вашего. Это дозированный слив. Сигнал, что процесс пошёл.

— Я учился ещё в советской школе, — сказал Акимов. — Там что-то говорили насчёт роли народных масс в истории. И ещё что слово, брошенное в эти самые массы, становится материальной силой...

— Ну?

— Так если весь мир узнал — неужели не доберутся до вас? Судно не иголка. А нынче со спутников, говорят, даже иголку разглядеть можно...

— Ха! — презрительно отозвался Боб. — По-твоему, мы тут вытворяем хер знает что, а все вокруг ходят в белом? Чего ж они так поздно спохватились, а? Всё, что выносятся на публику, куплено и перекуплено: рейтинги, прогнозы, курсы валют, катастрофы, выборы, средства от насморка и геморроя. Ничего от геморроя не помогает, парни! На своей заднице всё перепробовал. А средств предлагается — завались. — Он снова ушёл к радару и уже оттуда крикнул: — Да ладно, слушайте, если интересно! Веселее помирать будет. Включайте, я и сам посмеюсь.

На другой день старпом коротко поведал обо всём в столовой. Сообщил версии, в том числе новые, которые удалось самому услышать ночью по пеленгатору из разных источников: говорили, что судно, вероятно, похищено с целью шантажа, в результате соперничества российских или международных преступных группировок, что на нём есть, возможно, крупная партия наркотиков или другой незаконный груз; однако не исключали возможности обычного пиратского захвата с целью выкупа, а то и перепродажи судна где-нибудь в Юго-Восточной Азии.

— Ого! — сказал Сикорский. — Туда долго шлёпать. Продадут прямо с нами или как?

На этот раз Акимова слушали с интересом. Реальная надежда как-то встрянула сонное царство.

— Наркотики надо под днищем искать, — убеждённо сказал Лайнер.

— Что?! — ошалело воскликнули сразу несколько человек.

— Говорю, их обычно под днищем прячут! Где-нибудь в районе шахты лага. Был бы водолаз, мы бы сейчас это дело извлекли и отдали разбойникам, пускай убираются со своим говном.

— Борис Исаакович, вы, извините, не сами ли это говно туда прицепили? — не выдержал Бородин. — Что-то уж больно точно место называете.

— Вы за кого меня принимаете? — возмутился Лайнер. — Я вам что, шут гороховый? Зачем эти атасы? Если кто лучше меня знает, где искать, пускай скажет.

— Ну что вы набросились на человека? — поддержал Лайнера Симкин. — Сказано же, что война идёт из-за партии наркотиков. Какая сука нам их впарила?

— Бандитов нынче вообще ничего, кроме наркотиков, не интересует! — добавила, вздохнув, Нина Васильевна.

Бедный Бугаев слушал всё это, вытаращив глаза, но возразить уже не решался.

К вечеру версию с наркотиками серьёзно обсуждали и Жабин, и Грибач, и даже Иван Егорович. Ругинис подавленно отмалчивался, а Чернец напустил на себя совершенно непроницаемый вид.

Ночью на вахте Акимов упорно вслушивался в слабые, перебиваемые помехами голоса из России. Официальных новостей было много: на индийском курорте ограбили россиянку, украли на пляже сумочку с бриллиантовым колье за полмиллиона долларов, а полиция преступно бездействовала; в Штатах супружеская пара чуть не до смерти забила приемного русского ребёнка с врожденными дефектами, но там власти взялись за изуверов всерьёз, а наша прокуратура со своей стороны начала проверку, достаточно ли безнадёжен был мальчик, чтобы отдавать его за океан; наконец, ещё одна история с ребёнком — правда, только наполовину русским — случилась в Финляндии: социальные службы этой страны собирались лишить проживающую там нашу соотечественницу родительских прав за дурное обращение с семилетним сыном; Москва заявила протест, в Хельсинки срочно вылетел разбираться уполномоченный по правам человека, а отец мальчика, финн, даже выразил желание всей семьёй просить убежища в России...

— Да у вас просто островок благополучия! — с издевкой сказал Боб, краем уха ловивший негромкие звуки из штурманской. — Жизнь, какой она должна быть. Сплошная Рублёвка. И чего вы всё там у себя скулите, а?

Этот профессиональный налётчик с грубым, мясистым лицом был иногда не прочь пофилософствовать в своём глумливом духе. Ему, должно быть, было скучно проводить день за днём на этой мирной шаланде в бездействии, повинуюсь чьему-то приказу, и он всё чаще задира старпома, провоцируя его на разговор.

Акимов ждал упоминаний о захвате судна, но российские станции об этом молчали, а западные голоса ничего ко вчерашним версиям не добавили.

На другой день с утра (старпом в это время был ещё на мостике) Киржак пришёл в столовую за боцманом и двумя матросами. Сказал, что есть работа на палубе. Ругинис кликнул было Жабина и Чернеца, самых сноровистых, те встрепенулись, рассчитывая хоть ненадолго выбраться на свежий воздух, но у Киржака на этот счёт было своё мнение: он решительно указал на Сипенко и Бугаева. Стражникам не хотелось иметь на воле дело с крепкими, плохо управляемыми парнями.

Троицу проводили на бак. Велели достать из кладовки пару вёдер краски, кисти, снарядить люльку. Затем приказали опуститься за борт, замазать на носу и на корме название судна и порт приписки, а когда подсохнет грунт, написать совсем другое. Новые слова на клочке бумаги начертал для моряков сам Боб, в них явно просвечивала его игриво убогая фантазия:

HOOLY SSYSH Singapore

Бугаев вызвался пойти за борт. В общем-то это подразумевалось, кроме него, было просто некому. Боцман должен был наверху страховать и перемещать люльку вдоль борта, по ходу дела её опускать-поднимать, а также перетаскивать штормтрап, для всего этого требовались сила и сноровка. Он отвечал за безопасность работ. А Иван Егорович, несмотря на свою лёгкую комплекцию, был уже не в том возрасте, чтобы часами висеть под палящим солнцем над океанской пучиной верхом на доске, махая тяжёлой кистью. И всё-таки Бугаев именно вызвался, Ругинис и Сипенко едва ли решились бы сами его туда послать. Оба немало опасались за нелепого мальчишку, помня его прежние подвиги.

Бугаеву тоже было страшно. Голова и без того кружилась с той минуты, как он вышел из надстройки на палубу. Пьянил воздух, слепили мириады бликов, рассеянных по поверхности океана. Всё смешалось в каком-то искрящемся круговороте, сверкало настолько, что цвета были неразличимы и даже не важны; солнце, ветер, небо, вода, даже белая надстройка судна, пестрящая отражёнными водной рябью живыми лучами, — всё обрушилось разом, оглушило, так что Бугаев и не помнил, как дотащился на слабых ногах до кладовки под полубаком. Боцман выдал ему рукавицы, отыскал где-то и велел надеть полотняную кепку, чтобы не напекло голову. Иван Егорович сам завязал на нём спасательный жилет и укрепил на поясе страховочный конец. Доску перекинули через фальшборт и опустили до уровня надписи на борту, рядом спустили штормтрап. Бугаев перевалился мешком, мёртвой хваткой вцепившись в планширь, сучил ногами, ища опоры, его держали с двух сторон. Нащупав ступнями балясины, медленно начал спускаться. Вниз старался не смотреть. И только когда поравнялся с доской, когда залез на неё верхом и отцепился от штормтрапа, когда унял зашедшее сердце, чувствуя себя летящим на огромных качелях, — только тогда решился на секунду опустить глаза. И вдруг обомлел и уже не мог оторвать взгляда. Красок такой силы и глубины он ещё никогда в жизни не видел, хотя с самого рождения, казалось, именно об этой картине и грезил. Исчез холодный блеск, потухли суетные блики, осталась только всепоглощающая, прогретая и просвеченная тропическим солнцем, магнетически притягивающая к себе бирюзово-лазурная бездна.

Если бы даже ему довелось жить много-много лет, он никогда бы, наверное, не забыл этого ощущения праздничного инобытия. Как никогда бы не сумел описать его словами.

Окрик с палубы напомнил о реальности. Боцман спустил на отдельном тросе ведро с краской и валик на длинном черенке. Шершавый борт с огромной гряз-

но-белой надписью высился в полутора-двух метрах от Бугаева. Доска то приближалась к нему, то удалялась, медленно качаясь вразнобой с судном на лёгкой зыби. Вооружённый автоматом караульный, облокотившись на киповую планку, бесстрастно наблюдал за ним сверху. Именно тогда Бугаеву впервые взбрело в голову: отвязать бы все концы и уйти, соскользнуть с доски в эту ласковую, тёплую воду, которая, кажется, навеки подарит райское блаженство. Так просто освободиться от насилия и лжи, от страхов и неподъёмных мыслей, от власти всех и всего. Он ведь ещё никогда в жизни не купался в тропическом море...

В столовую к обеду всех троих вернули обожжёнными солнцем, с пылающими лицами и руками. Миша был ещё и забрызган с головы до ног зеленой эмалью. Он словно возродился (так подействовали воздух и загар) — распрямился, голову держал высоко, казался энергичным и уверенным. Бородин поглядывал на него с удивлением.

— Да, не повидал ты заграницы, — сказал он Мише за едой со снисходительным сочувствием, желая загладить недавний конфликт.

— Ну как не повидал? — вступился за Бугаева Иван Егорович. — Самое главное увидел!

Сказано это было, наверное, не очень серьёзно, всего лишь для утешения, а попало в цель.

Порученную морякам работу никто в экипаже даже не обсуждал: и так было ясно, что захватчики пытаются замаскировать судно, выдать его за другое и как можно дольше скрываться от преследования. Относились к этому по-разному. Старпом, например, считал выходку Боба и его подручных хулиганством, желанием лишний раз поглумиться над всем светом, даже глупостью, которая ни от чего этих новоявленных постмодернистов не спасёт: распознать силуэт «Global Spring» с характерным очертанием палубного груза на борту, разглядеть свежестрашенные рельефные буквы, наконец, убедиться, что никакого «Hooly Ssysh» с пропиской в Сингапуре в природе не существует, — всё это для опытного моряка не проблема. Скорее уж дурацкие манипуляции могли привлечь к судну дополнительное внимание.

Акимов слишком уповал на здравый смысл. Он ещё не чувствовал вселенских масштабов «проекта», такое трудно вместить, не сойдя с ума.

В тот день до темноты успели только замазать старые слова на обоих бортах и корме. С непривычки все, а особенно Бугаев, выбились из сил. Эмаль на солнце и ветру сохла быстро, однако приступать к написанию нового названия было уже поздно, и Боб распорядился отложить вторую часть работы на завтра и вернуть уставших моряков в тюрьму.

Ночью старпом поймал по пеленгатору загадочное сообщение. Это была иностранная радиостанция, вещавшая по-английски, да ещё с помехами, так что он не всё расслышал и сумел перевести. Сначала сказали про похищение «Global Spring» и предположили, что на судне есть ракеты. Затем вдруг перескочили, без видимой связи, на исчезновение премьера одной ближневосточной страны. Он среди бела дня вышел из своего рабочего кабинета и пропал на сутки. Было что-то про его секретную отлучку на частном самолете, строились догадки об амурных приключениях, и вдруг уже совсем непонятное: «Москва отказалась подтвердить факт незапланированного визита». И опять — про похищение судна и каких-то «изменников» на его борту. Кому изменили эти «изменники»: мировому сообществу, России, какой-то группе стран или мафиозной группировке — было не понять. Удивило ещё, что с самого начала передачи Боб появился в штурманской и слушал тихо и внимательно, а в конце, против обыкновения, даже не поиздевался, только удовлетворённо хмыкнул. Дело происходило глубокой ночью, мастер давно храпел на своем диванчике и ничего не слышал.

Информация (или та её часть, что осела в голове) была настолько нелогичной и туманной, что наутро Акимов не стал и пытаться пересказывать её Красносёлову и в столовой.

На следующий день Бугаев снова качался верхом на доске за бортом, выводил широкой кистью огромные белые буквы HOOLY SSYSH по размеру и форме

прежнего рельефа. Рядом порхали летающие рыбы, едва не задевая его широкими крыльями-плавниками, наверху хлопотали Сипенко с Ругинисом, из-за киповой планки выглядывал, хмуро шурясь на солнце, охранник... Нарисовать последнюю S наоборот, в зеркальном отражении, — это озарило внезапно, своей выдумкой Бугаев ни с кем не делился. Будто просто ошибся. А для встречного судна, для всех, кто будет их искать, это станет знаком, что здесь что-то не чисто. В худшем случае, решил он, обратят внимание и пошлют переделывать, — всё приятнее, чем сидеть взаперти...

Никто его выходы не заметил. Ни Сипенко, у которого вообще было туго с иностранным алфавитом, ни охранник, ни даже Киржак, приходивший проверить работу. Скользили взглядом вдоль борта, нависнув над планширем, и всё им сверху показалось одинаковым и правильным.

Разглядел, оказывается, Ругинис.

— Ну и сукин же ты сын! — сказал почти восхищённо, когда их после работы снова заперли в столовой. Но распространяться об этом не стали — ни он, ни Бугаев, так что никто больше не догадался, о чём речь.

Новое имя судна вышучивали, но не слишком весело.

— Свои сразу поймут, что это лажа, — предположил Александр Васильевич. — А какой-нибудь грек или малаец, пожалуй, начнёт рыться в словаре... То есть, наоборот, не начнёт. Поверит на слово.

— Никто за нас не вступится, ни чужие, ни свои, — убеждённо сказал Бородин. — Мы для наших властей иностранцы, им плевать на нас! Раз устроились на работу под другим флагом — значит, с плеч долой.

А уже на другое утро Акимов вернулся с мостика непривычно торжественный и сразил всех известием: руководство компании «Микофрейт» официально обратилось к России за помощью в поиске пропавшего судна, и наши объявили спасение соотечественников на борту «Global Spring» своим долгом и делом чести для страны.

— Вот видите! — сгоряча упрекнул старпома Бугаев дрогнувшим голосом. — Власть не только о себе печётся, как все вы говорили...

— Выходит, не только. Заявления сделаны решительные, это уже хорошо. Лишь бы не молчали. Сказали, что приказ идёт с самого верха. Привлекают даже атомные подводные лодки и стратегическую авиацию. Обещают действовать в тесном контакте со всеми заинтересованными сторонами.

— Какими ещё сторонами? — ревниво спросил Лайнер. — Какие тут стороны, кроме нас и этих бандитов?

— А?.. Наверное, в первую очередь со страной флага. Ну и с судовладельцем.

При этом старпому невольно вспомнился Лихонос, и он осёкся.

— Дай бог, дай бог, — бормотал Лайнер.

— Что «дай бог», Борис Исаакович? — зазвеневшим впервые за много дней голосом воскликнул Сикорский. — Нашему телёнку волка съесть? Эх, спросили бы у нас, мы бы им выдали самые точные координаты! А, старпом?

Говорили от волнения невесть что, лишь бы выговориться. Света, совсем было погрустневшая и зачахшая в последние дни, разгорелась румянцем. Бородин, этот Фома неверующий, смущённо прикрывал кулаком детскую улыбку. Не многим взрослее выглядел Ругинис, не говоря уже про долбоносого Жабина, всю шерившего большие жёлтые зубы. Иван Егорович потирал руки и в ответ на любую реплику согласно кивал головой. Симкин принялся вдруг визжать и подпрыгивать, а Нина Васильевна крепко обняла стюарда Стёпу и пустилась с ним танцевать.

— Радости полные штаны! — съехидничал Грибач. — Ну найдут нас, и что дальше? Шарахнут всем ядерным боезапасом? Мы ведь заложники. В лучшем случае пойдём рыбам на корм. В Сомали пираты вообще не скрываются, стоят в окружении натовских кораблей, а заложников держат месяцами.

— Потому и держат, что с дерьмом имеют дело, — решительно обрезал его Чернец. — Ты что, будешь тут сидеть и хныкать, как баба, если к нам корабли подойдут?

— А ты что, под пули пойдёшь?
— Под пули? Да я куда хочешь пойду, бленах..., только бы твою рожу больше не видеть!

Про Грибача давно было известно, что он обижен на весь свет, на него уже махнули рукой. Остальные не сомневались, что спасение близко.

Глава восьмая Край-тест

Прошло два или три дня. Стармех Пильчук (он и Карапетян продолжали сидеть в машинном отделении под присмотром охранника, получая два раза в день сухой паек и общаясь с мостиком по телефону) просигнализировал, что топлива при таком режиме хода осталось на неделю, максимум дней на десять. Случилось это на вахте Красносёлова. Боб, когда мастер передал ему тревожное известие «деда», почернел лицом, смачно выругался, но не отдал никаких распоряжений. Старпом рассказал обо всем экипажу.

— Через пару недель и вспомогач встанет, — судачил в столовой Александр Васильевич. — Посреди океана! Не будет у нас ни руля, ни насосов, ни радаров, ни света, ни воды. Ничего! А если ещё заштормит? И куда этого урода несет!..

— Да уж. Ни пожрать, ни посрать. Полный оверкиль, бленах..! — соглашался Чернец.

Боб тоже нервничал — надумал собрать совет, вызвав для этого старпома среди бела дня. Судно продолжало двигаться на юг вдаль от берегов. Давно оставили на траверзе Мадейру, миновали Канары, как раз пересекали Северный тропик. Мастер и Акимов уговаривали Боба одуматься и повернуть к берегу Африки, где можно было если не пополнить запас топлива, то хотя бы отстояться на удалённом рейде. Решение было принято не сразу. Вероятно, Боб консультировался со своим начальством, не раз уединяясь в капитанской каюте, куда перекочевал из рубки спутниковый телефон. Наконец вечером отвернули влево и взяли курс к берегам Африки. Ради экономии топлива скорость уменьшили до семи узлов.

А к ночи на море спустился туман, предвещая ухудшение погоды.

Повинуясь профессиональному инстинкту, Акимов забыл про пеленгатор с его пестрыми новостями и почти не отрывался от радара. Боб запретил давать туманные сигналы и включил на экране полуторамильный обзор; по такой погоде оно бы и правильно, так было меньше риска пропустить какую-нибудь мелочь вроде рыбацкой шхуны или лодки и кого-нибудь подмять; но когда старпом предложил, учитывая плохую видимость, запустить второй радар для дальнего обзора, Боб отреагировал подозрительно нервно, наорал на Акимова и посоветовал ему идти в штурманскую «слушать свою музыку». Это не поддавалось объяснению — ведь до сих пор главной заботой Боба было избегать сближения с другими судами. А при таком ограниченном обзоре какой-нибудь быстроходный лайнер мог в считанные минуты оказаться совсем рядом, и хорошо если не прямо по курсу.

Старпом, конечно, никуда не ушёл. Чем безответственнее вёл себя «водила», тем важнее казалось утроить внимание, чтобы избежать катастрофы. Всё-таки на его попечении были не только Боб с громилами, но и запертый в столовой экипаж. Вахта в море остаётся вахтой и накладывает определённые обязательства, независимо от того, по принуждению ли её несут или добровольно. Он предоставил взбесившемуся Бобу одному управляться с радаром и вышел на крыло, вслушиваясь и всматриваясь в ночную мглу. Так простоял, наверное, часа четыре, пока не начало светать. Думал о Светлане, о внезапных переменах в её настроении. Она то тянулась к нему (особенно сильно чувствовалось это в минуты опасности, как в ту ночь, когда его первый раз увели под конвоем неведомо куда), а то пряталась в себя и дичилась, становилась раздражительной. Только в одиночестве он и мог позволить себе помечтать о ней, с нежностью вспоминая какой-нибудь жест, поворот головы, деталь одежды, нечаянную фразу... «Может, завтра я проснусь и буду думать об этом совсем иначе», — сказала

она ему как-то. Он уже и предмет забыл, о котором шла речь, а фраза осталась — в ней была её душа. Там, в столовой, он старался никак своих чувств не выдать, заговаривал со Светой редко и только по необходимости, в её сторону не смотрел — это было невыносимо больно, от жалости и любви к ней набегали слёзы. Значит, и правда пришла старость, с отчаянием думал в такие минуты Акимов. Но само присутствие Юнаевой, её отдельная жизнь рядом давали такую полноту ощущений, так обостряли все его чувства и мысли, что за эту сладкую муку он, пожалуй, готов был и тюрьму благословить. Где бы ещё было возможно такое — сутками жить с ней бок о бок, наблюдать её грусть, её сон, её жесты и трогательные девичьи привычки?..

Мысль о неволе приняла вдруг авантюрный оборот: вот стоит он один на неосвещённом крыле, Боб в рубке уткнулся в радар и едва ли его даже замечает, других надсмотрщиков нет, а позади никем не охраняемый наружный трап. Срывайся и несись вниз по ступеням куда вздумается. Можно, например, попытаться спустить шлюпку или хотя бы сбросить надувной спасательный плот и самому прыгнуть за ним в воду; можно добежать до кормовой тамбучины и забаррикадироваться в ней или в румпельном отделении, даже управлять оттуда рулём по своему хотению; а можно забежать в надстройку, атаковать ошеломлённого охранника, отобрать у него оружие и освободить пленников в столовой... Конечно, это всё мечты, киношный бред, на самом деле внизу на палубе дежурит автоматчик, а все двери наверняка заперты на ключ. Пуля настигнет его в первые же секунды. И всё-таки: он свободен, руки-ноги не связаны, и вот пустой трап. Современный человек становится всё трусливее: предпочитает рассчитывать не на себя, а на какие-то посторонние силы — общественность, законы, государство, мировой порядок, карательные операции. Его даже учат в критических ситуациях не высываться, быть тише воды и ниже травы, ждать помощи профессионалов. «Но ведь если парализовать и исключить из жизни волю мою и миллионов, миллиардов таких же бедолаг, как я, — думал старпом, — каким будет этот «мировой порядок»? Кому станут служить «профессионалы»? Кому они служат сегодня? Если привыкнуть покоряться любому насилию и ничем не рисковать ради свободы, это никогда не кончится!»

Под утро его развлек оптический феномен. Туман был не слишком плотный, в рассветных сумерках начали проступать очертания палубы и водная гладь по сторонам. Если долго глядеть вдоль одного борта, как бегут навстречу поднимаемые ходом судна бурунчики и распускаются веером небольшие волны, а затем быстро перевести взгляд на другой борт, где примерно та же, но зеркально отражённая картина, то в первые секунды начинает казаться, что это не вода бежит навстречу иначе, а сам стальной корпус судна меняет форму, словно его гнёт, корёжит и ломает. Так, бывает, глядя в окно вагона, принимаешь отправленные от перрона соседнего состава за собственное ускоряющееся движение, пока взгляд в противоположное окно не ошеломит внезапной мёртвой остановкой. Или — ещё ближе — начитавшись в книжке курсивного текста и перейдя затем к прямому, долго не можешь избавиться от чувства, что он наклонён в обратную сторону. Старпому невольно вспомнились многозначные (и многозначительные) переводы слова *spring*, которые Александр Васильевич Сикорский, третий механик, увлечённо цитировал по словарю: там было и «коробиться», «давать трещину». Точно: «Global Spring» коробится, судно просто разрывает на части. На какое-то время Акимов увлёкся, бегал взглядом от борта к борту, палубу на глазах искривляло то слева направо, то справа налево. Явственно виделось то, чего никак не могло быть. Что стоят после этого все наши чувства, как можно на них полагаться, доверять им жизнь и безопасность! И только он так подумал, как увидел — вначале краем глаза, а затем, весь содрогнувшись, полным зрением — силуэт стремительно и бесшумно скользящего навстречу по левому борту в каких-нибудь трёх кабельтовых военного корабля.

Первым порывом старпома было протереть глаза. Ему подумалось, что он утомился от своих зрительных экспериментов и видит мираж. Что на сетчатке застряло и плывёт цветное пятно. Но очертания корабля в тумане были вполне

чёткими, даже виднелся крупный белый номер на борту. Когда корабль-призрак, всё так же в ватной тишине, вышел на траверз и скрылся из поля зрения за надстройкой, Акимов, стоявший на правом крыле, ворвался в рубку и кинулся к противоположной двери, чтобы с левого крыла проследить его дальнейший маршрут, но на полпути вспомнил о радаре и метнулся к нему: прибор не соврёт!

Экран не светился. Боб невозмутимо стоял рядом, облокотясь на поручень.
— Вы видели корабль? — закричал Акимов. — Почему выключен радар? Мы ведь можем столкнуться!

— Иди проспись, как-нибудь без тебя разберёмся, — сказал Боб. И по мобильной связи кликнул: — Длинный, этот баклан совсем рехнулся, уведи его.

В столовой ещё спали. Кто-то всхрапывал, кто-то стонал или поскуливал во сне. Было душно, пахло как в общем вагоне поезда — потом, грязными носками, табачным перегаром, затасканными постелями. Акимов, совершенно сбитый с толку, присел на свой матрас, невольно глядя на свернувшуюся напротив него в углу под простынёй Юнаеву. Откуда этот корабль, что собой представляет? Неужели просто случайная встреча в океане? Но зачем понадобилось выключать радар? — это не какой-нибудь идентификатор, даже не средство связи, он никак не способен выдать! То есть сам по себе работающий радар, наверное, военная техника может засечь, но кому это нужно в пределах визуальной видимости? Ведь корабль прошёл совсем рядом, с него легко могли разглядеть все детали судна! И почему до этого Боб запрещал включать дальний обзор? Или он давно знал, что поблизости в этом районе есть кто-то ещё, и хотел скрыть это от старпома, от всего экипажа, чтобы никто не попытался как-то привлечь к судну внимание? Тогда зачем идти на сближение, разве нельзя было заранее отвернуть? Может, этот корабль ищет именно их? Было бы слишком хорошо; однако столь стремительное немое расхождение, без малейшей попытки выйти на связь, не походило на поиск и преследование.

Да был ли вообще этот корабль, не почудился ли? Уж и правда, не рехнулся ли Акимов, как выразился Боб?

Старпом опрокинулся навзничь на одеяло, некоторое время ещё пытался справиться с мыслями. Отчего-то втемяшилось в голову: краш-тест. Наверное, он переживал страх возможного столкновения в тумане, которого они почти чудом избежали, пытался представить его последствия для судна и по аналогии вспомнил, как проверяют на прочность автомобили: разгоняют — и об стенку. Или лоб в лоб. А после исследуют, что стало с манекеном внутри. Интересно, продельвают ли такое с морскими судами? Нынче на всё способны. Просто чтобы выяснить, например, как это подействует на куклу, лежащую на матрасике в углу столовой под простынёй. На хрупкую куклу из папье-маше...

Ему снилась эта кукла, оставшаяся целой после испытания. Он на глазах у всех сдергивал с неё простыню, проверял её сохранность, осматривая голову, руки, ноги... Очень хотелось заглянуть под подол рубашки, но было немного совестно перед окружающими. Все уставились на него и ждали результатов, особенно Грибач, заранее нагло оскалившийся. Словно чувствовал его неловкость и хотел застичь на месте преступления. Хотя какое же тут преступление? Это просто его работа, обязанность — осмотреть куклу после крушения. В конце концов, она могла пострадать, ей необходимо оказать помощь... Он уложил её рядом с собой, провел рукой от колена вверх по бедру, сминая тонкую материю, задирая всё выше и выше. Он точно знал, что под рубашкой больше ничего не надето. Таким было условие эксперимента. Кругом роптали, но ему теперь было всё равно. Сердце бешено колотилось. Наконец обнажил её всю — и тотчас услышал тихий, такой знакомый и любимый смех...

Старпом вздрогнул и очнулся. Сердце стучало так, что его гулкие удары, казалось, должны были всех поднять на ноги. Светлана ещё смеялась во сне, затем вскрикнула тонко и жалобно и затихла. Заворочался и закричал Сипенко, негромко выругался проснувшийся Жабин.

Акимов поднялся. В голове вертелось теперь что-то несообразное: «краш-тест». Это вышло из сна и казалось почему-то важным. Нелепая пара слов как

будто содержала тайное знание о кукле-женщине, которую он на окраине сознания ещё держал в объятиях. Какой-то ключ для возможного перехода от сна к яви, преобразования куклы в Светлану. Он уже не спал, но и не совсем проснулся, весь во власти непреодолимого желания. Казалось вполне естественным подойти и защитить в своих объятиях, усыпать ласками и поцелуями живое нежное тело, чуть было не ставшее жертвой жестокого эксперимента. И пускай кругом люди, пускай они смотрят. В ней была вся его жизнь, он имел на это право.

Он сам не знал, как решился сделать четыре шага, отделявшие его постель от постели Светланы. Наверное, потому, что вовсе и не «решался». Бессознательно, как лунатик, на цыпочках обошёл угол длинного стола, осторожно примостился у неё в ногах на краю матраса. И погладил её маленькую тёплую ступню, укрытую простынёй. Всё было как во сне. Сердце с грохотом отбивало секунды его счастливого безумия.

— Не спится? — шёпотом спросила Света, чуть приподняв голову.

Только тут он начал приходить в себя и застыдился. Однако отступить было поздно.

— Ну... Да. Не спится.

Её ступня осторожно выскользнула из его руки. Света села на постели.

— А почему вы не на мостике?

Акимов вспомнил про корабль-призрак и совсем проснулся.

— Простите. Я не должен был вас будить, но вы... вскрикнули во сне. Мне хотелось...

— Я знаю. Кажется, правда что-то противное снилось. Спасибо вам за всё.

— Вы это серьёзно? За что же?..

— Серьёзно. Спасибо. Но теперь идите к себе. Вы же всю ночь не спали!

Он, чуть помешкав, протянул ей руку; она, смутившись, так же медленно вложила в неё свою ладонь. Рукопожатие затянулось — оба на время лишились воли, поддались странному притяжению, точно через них пропустили ток. Никто не хотел уходить первым. Что-то в эту минуту случилось между ними такое, что было важнее всяких слов и крепче любого договора.

После Акимов долго лежал на своей постели без сна, подперев голову рукой, и смотрел на Свету. Она некоторое время отвечала ему взглядом. В рассветных сумерках он не мог разобрать выражения, не видел черт, но не было ничего притягательнее этого излучавшего незримое сияние лица. А затем она нырнула под простыню, вновь свернулась калачиком, и он тоже начал понемногу задрёмывать, иногда роняя голову и тревожно спохватываясь, чтобы не потерять из виду свою радость, свой волшебный сон...

Разбудил старпома громкий разговор.

— Это эсминец! Я сам на таком служил! — возмущённо кричал Жабин.

— Вот ведь упрямый, задницу твою через канифас! Какой же эсминец, если сторожевик, — увещевал его Иван Егорович.

— Не спорьте, — говорил Чернец. — Это корабль-призрак. «Летучий Голландец».

Акимов мигом вскочил на ноги. Несколько человек стояли перед иллюминатором и что-то высматривали в море. Сипенко первым обернулся к старпому, пустился объяснять:

— Наш сторожевой корабль! Всё утро за нами идёт.

— Эсминец! — снова вклинился Жабин.

— Откуда взяли, что наш? — спросил Акимов, нетерпеливо вглядываясь в слепящее молоко полуденного тумана над морем.

— Так видно ж. И флаг было видно, когда поближе подходил...

У Ивана Егоровича от возбуждения зарумянились щёки — впервые, наверное, за все дни тюрьмы.

Акимов наконец различил в полумиле чуть сзади по курсу серый силуэт корабля. Это был он, ночной призрак: с теми же очертаниями надстройки и орудий.

За стеклом на палубе возник охранник, демонстративно наставил автомат. Все отпрянули.

— Почему корабль не подходит, не освобождает? — с тревогой спрашивал взволнованный Бугаев.

— Тебе же объясняли, — сквозь зубы процедил Грибач.

— Подождём, — сказал старпом. — Может, и правда бояться нам навредить, ведут пока переговоры...

Сам Акимов не был в этом уверен. Поведение корабля казалось странным. С ночи ходить вокруг, держаться в отдалении, не подавая никаких сигналов! Если он действительно опознал их судно, то должен был подойти ближе, предъявить какие-то требования, уяснить обстановку. Если захватчики не выходят на связь — включить громкоговорители, хотя бы дать о себе знать экипажу.

Целый день ничего не менялось. Корабль то исчезал в сгущавшейся дымке, то вновь проявлялся, постоянно держась теперь по левому борту немного сзади.

Невольники не находили себе места.

— Хули ссыш, хули ссыш, — задумчиво повторял механик Сикорский, потеряв свой задор. — Вот почему они название поменяли: почуяли преследование. Заигрались ребята!

— Александр Васильевич, хоть вы не выражайтесь! — умоляла жалобно Нина Васильевна.

— Да это не я, это другие развлекаются. Мы теперь так зовёмся, это новое имя судна, вы не знали? Стоит запомнить. Когда в чужом порту вас спросят, откуда вы, говорите смело: «Хули ссыш». Только без мягкого знака.

— Они не смогли нас опознать, потому и не действуют, — твёрдо заявил Лайнер. — Нет полной уверенности. Иностранное судно — как они могут? Надо подать знак.

— Ну-ну. Помашите через иллюминатор платочком, — язвительно посоветовал Грибач. — Желательно беленьким!

— Да хоть красненьким! — оборвал его Симкин. — А не то развернутся и уйдут, на фиг.

Он, как и Чернец, старался при всякой возможности поставить нахального Грибача на место.

Света мучительно пыталась понять, что происходит, но в общий разговор не вмешивалась. Старпом подсел к ней, рассказал, что было ночью и почему его раньше времени погнали с мостика.

— Думаете, они действительно могут нас не узнать и уйти?

Тронутый растерянностью девушки, Акимов невольно прикоснулся к её руке. Он всё время думал об их клятвенном рукопожатии, но уже не слишком верил в его реальность, запутавшись в тревожных и сладких видениях минувшей ночи. Однако она опять ответила, благодарно сжав его пальцы.

— Вы устали, — сказал он. — Потерпите ещё немного. Скоро это кончится, я так чувствую.

— Интересно, каким будет конец. Даже не знаешь, радоваться ли ему. Здесь я... с вами.

— Я сам вчера о том же думал. Есть повод благословить тюрьму.

— Нет, тюрьма тут ни при чём... Или при чём. Просто она лишает защитной позы. Ну не в смысле «всё позволено», а наоборот, ничего не позволено. А внутренняя защита рухнула, и нет уже сил сопротивляться себе... Я совсем запуталась.

— Вы не запутались, всё так и есть. Ведь я ничего про вас не знаю, вы для меня как будто свалились с луны... А понимаю, кажется, лучше, чем самого себя.

— Потому и понимаете. Вот когда начнете узнавать...

— И что тогда?

— Ахнете!..

После ужина Чернец чуть не силой увлёк Акимова подальше от ушей охранников, посадил за шахматную доску.

— Так и будем ждать? — спросил вызывающе.

— Морзянку помнишь?

— Ещё бы. Фонариком через иллюминатор?

— Фонарика никто не увидит. Да у нас его и нету, разве что выключателем в столовой помигать... Ратьер на верхнем мосту.

— До него надо добраться.

— Не знаю, попаду ли я сегодня на мостик после вчерашнего... Если попаду, то будь готов к вызову, а там сориентируешься. Три-четыре слова, долго общаться не дадут. «SOS», настоящее название, захвачены, просим помощи... Тебя могут убить. Готов?

— Да мне теперь хоть...

— Ладно. Включить сумеешь? Он постоянно был запитан, его, по-моему, не тронули.

Около десяти вечера за старпомом пришел Киржак. Всё было как обычно. Света, что-то почувствовав, проводила Акимова из своего угла долгим взглядом.

Боб ни словом не упомянул про вчерашнее. Радар работал в нормальном режиме, отбивая на экране слева по курсу чуть сзади яркую точку корабля. Краснощёлов ещё не спал, встретил старпома с довольно-таки шальным видом, но тоже ничего не сказал — похоже, всё уже было переговорено между ним и Бобом в течение дня, все точки расставлены, и дальнейшее обсуждение могло грозить только новыми неприятностями.

Акимову некогда было со всем этим разбираться. План рождался на ходу. Минут через двадцать он вышел в уборную. Это разрешалось делать свободно, в пределах палубы мостика они с мастером передвигались без конвоя — ниже палубой, под пролётом трапа, всегда дежурил автоматчик, который был на подхвате у Боба и заодно охранял капитанскую каюту со средствами связи. В туалете старпом ещё раньше заметил пластиковую банку с чистящей пастой, стоявшую в рундучке под раковиной. Она была на месте. Ему казалось, что диаметр банки подойдет к сливному отверстию унитаза; на деле она оказалась немного шире. Кое-как он заткнул слив, но доньшко банки выглядывало в воде из глубины сифонного колена. Времени было мало, Боб мог что-нибудь заподозрить; он закатал рукава и двумя руками что есть силы со скрипом продвинул банку как можно дальше. Добавил туда большой кусок скотканной туалетной бумаги. Затем присел на унитаз и старательно выдавил из себя что мог. Кинул ещё бумаги и нажал слив. Пустил воду ещё и ещё раз. Унитаз до краёв наполнился грязной жижей. Он раздумывал, как поступать дальше: самому объявить о засоре или подождать, пока его обнаружит кто-нибудь другой? Решил подождать.

Через полчаса в туалет вышел перед сном мастер; вернулся багровый от злости.

— Владимир Алексеевич, тебя мама учила в детстве унитазом пользоваться? Натолкал дерьма, етить твою...

— Что случилось, Николай Николаевич?

— Что случилось! Срани до хрена. На ботинки через край льётся.

Старпом с невинным видом пошёл смотреть. Палуба была уже залита. Он дотянулся рукой до слива, добавил.

— Беда, пробивать надо, — сказал, вернувшись в рубку. — Не то весь мостик зальёт, провоняем.

— Иди пробивай, — флегматично отреагировал Боб.

— Да нет, тут дело серьезное, специалист нужен. У нас один такой.

— Сикорский, что ли? — бросил мастер.

— Какой Сикорский! Разве этот белоручка справится. Чернец! С фановой системой он один работает.

Капитан посмотрел удивлённо, но промолчал. Кажется, он начал догадываться о каком-то умысле старпома. «Только бы не стал просто подыгрывать!» — подумал Акимов.

Боб вышел наконец в коридор, увидел в туалете лужу, сморщил нос.

— Суки! Этого ещё не хватало. Сейчас будешь лакать у меня своё говно!..

— Я тут ни при чём, — спокойно возразил старпом. — Там давно засорилось.

— Чтобы через пять минут всё было чисто! Кто нужен?

Чернеца подняли с постели, одеться не дали, приволокли в одних трусах.

— Ну не голыми же руками я буду это делать! — возмутился он, когда ступил в туалет.

— Да хоть языком! — сказал Боб.

С Чернецом оставил конвойного, Акимову приказал вернуться в рубку.

Старпом не находил себе места. Первая часть плана прошла успешно, но как там выпутается Андрей? Получалось, он переложил на него всю ответственность, кинул на произвол судьбы. Больше всего Акимов боялся, что Чернец решится от безысходности на крайние меры, нападёт на охранника, попытается завладеть оружием... Чем бы этот поединок ни закончился, крови будет много. Но если начнётся, то и отступить уже нельзя. Старпом прислушивался к звукам за дверью и прикидывал, как нейтрализовать Боба, если всё-таки начнется. Попытаться чем-нибудь оглушить? Но ничего тяжелее деревянной штурманской линейки и латунного транспорта под рукой не было.

— Ты бы хоть из вежливости спросил, — вдруг прервал молчание успевший остыть Боб.

— О чём?

— Ну, что за корабль, почему за нами идёт. А то мне даже как-то не по себе. Не разберу, кто кому мозги е.т...

Тем временем Чернец делал вид, что обследует засор: шлёпал босыми ногами по луже, заглядывал под унитаз, простукивал переборку. Конвойный брезгливо держался подальше.

— Это сверху прёт, бленах.., — сказал ему Чернец. — Я поднимусь на крышу, земля, проткну там, а ты мне крикни, когда дерьмо пойдёт!

— Что?!

— Сейчас-сейчас! Да ты не бойся, сверху мне бежать некуда. Смотри лучше, а то потоп устроишь!

Всё было сказано так деловито и озабоченно, что охранник даже не задумался, откуда наверху, на голом открытом мосту, может быть «дерьмо». Он тупо посмотрел вслед шустро устремившемуся к наружному трапу Чернецу и снова уставился на унитаз. Чернец тем временем взлетел на верхний мост и торопливо перебежал от одного зачехлённого прибора к другому, отыскивая сигнальный фонарь, — им здесь никогда не пользовались.

Акимов скорее сердцем почувствовал, чем услышал торопливые шаги босых ног над головой. Наступал самый ответственный момент.

Между тем Боб ждал ответа.

— Что толку тебя спрашивать? — сказал старпом. — Ты ведь пешка и знаешь не больше моего. Лучше выйти на связь с кораблём.

Он решительно приблизился к радиотелефону и включил тумблер. Ни на что, понятное, не рассчитывая: просто надо было отвлечь внимание Боба от того, что делалось наверху, как следует его рассердить.

— На каком же они канале? — нервно бормотал старпом, сорвав микрофон и шелкая переключателем диапазонов. Он ежесекундно ждал сокрушительного удара, а то и выстрела в спину.

— Отойди от аппарата, идиот! — лениво приказал Боб.

— Ах, вы и его уже вывели из строя... Ладно. — Акимов бросил трубку, заметался туда-сюда по мостику, распахивая дверцы и сбрасывая на палубу разноцветные флаги и другие мелочи, лежавшие на полках. — Тут где-то были... Их тоже?.. Нет, вот они. Пусть будет так.

Под самым носом у Боба он выхватил из рундука сигнальную ракету, выскочил стремглав на левое крыло и рванул петлю. Ночной туман над судном и кораблём озарила ярко-красная звезда.

И как раз в эту секунду конвойный, сообразив, что его одурачили, взбежал на верхний мост и увидел, что Чернец подаёт кораблю световые сигналы.

— Сейчас откачаем! — крикнул Чернец, спиной загораживая от него фонарь, чтобы выиграть необходимые секунды. — Потерпи, земля, я быстро!

Он не успел оторваться от ратьера и что-то предпринять для своей защиты — на его голову обрушился стальной приклад.

Боб поступил с Акимовым более гуманно — действовал кулаками да пнул пару раз тяжёлым ботинком. Старпом, пока его волокли вниз, выплюнул зуб, полным ртом глотал кровь, но оставался в сознании. Когда к нему в столовой кинулась зарёванная Светлана, он прошамкал только:

— Со мной всё в порядке. Андрея... Чернеца спаси.

В ту ночь никто уже не уснул. Издали, не решаясь приблизиться к иллюминаторам, с надеждой смотрели на мерцающие в ночи топовые огни корабля. К рассвету они стали как будто удаляться, отходить в корму, а затем растворились в тумане. Может быть, корабль совершил боевой маневр и тайно зашёл с другого борта (такую радужную версию выдвинул Лайнер), а может, покинул их совсем.

Ближе к утру Андрей ненадолго очнулся.

— Они ответили, — пробормотал он сухими губами. — Ждите...

Света дала ему воды. Скоро он снова впал в забытие и только стонал от боли.

Утром боцмана взяли на палубу. Через некоторое время стихла машина, а затем послышался отдалённый грохот якорь-цепи.

По возвращении Ругинис рассказал, что земли поблизости нет, судов и кораблей тоже. Впрочем, видимость была не больше двух-трёх миль, хорошо оглядеться по-прежнему мешала дымка. Судя же по длине вытравленной цепи, глубина здесь метров сорок.

Обедом занималась одна Нина Васильевна. Светлана в тот день не отходила от раненого. Помогать ей вызвался Стёпа: подставлял и опорожнял утку, приносил воды, менял компрессы. Чернеца осматривали, осторожно щупали голову, пытаясь понять, не пробит ли череп. Явно были сломаны предплечье и два пальца на левой руке, которой Андрей пытался закрыться от ударов. Света промыла и перевязала раны, попыталась наложить на переломы что-то вроде шин. Иногда Чернец стонал и бредил, но большей частью погружался в обморочный сон и только прерывисто и хрипло дышал. Никто не знал, как ещё можно помочь ему в этих условиях.

После обеда затребовали наружу электромеханика. Вскоре Лайнер возвратился со сварочным аппаратом. Ему было приказано задраить броняшки на всех иллюминаторах и намертво их заварить. Киржак подгонял и лично проверял работу. С треском полыхнул слепящий огонь, засакакали по палубе искры, повалил дым. Запахло палёным, народ кинулся оттаскивать свои постели. Жабин помог Свете сдвинуть и прикрыть от огня Чернеца. В наглухо закупоренной столовой надолго повис едкий чад. Больше сюда не проникал снаружи ни единый луч.

— Из-за этих клоунов, сука, в темноте сидеть придётся, — злобно высказался по этому поводу Грибач, подразумевая старпома с Чернецом. Его главные враги занедужили, он спешил этим воспользоваться.

На камбузе также заварили все иллюминаторы и металлическую дверь, ведущую на палубу. Теперь у тюремщиков отпала нужда как минимум в двух сторожевых постах.

А вечером в столовую втолкнули растерянного капитана со скатанным матрасом в руках. Наверху Красносёлов больше был не нужен.

Мастер попал в трудное положение: он оказался среди экипажа, который давно уже обходился без него. Многие забыли о самом его существовании. У этих людей сложилась совсем другая иерархия, в которой Красносёлову если и отводилось место, то довольно жалкое. Они жили другими интересами и по другим законам. Во всяком случае, теперь всем было не до него.

Он не ступал в столовую с тех самых пор, когда по приказу Боба уговаривал перепуганных моряков смириться и пережить временные трудности. А теперь сам оказался в задымленном смрадном вертепе без света и воздуха. Иван Егорович, пододвинув свой скарб, предложил ему устраиваться рядом. Красносёлов покорно опустил скатку на указанное место и присел на неё с видом пассажира в аэропорту, с минуты на минуту ожидающего приглашения на посадку.

— Где мы стоим? — глухо спросил его со своей постели старпом.

— В семнадцати милях от Боатранто. Здесь островная банка.

Капитан помолчал и виновато добавил:

— Я ведь не знал, что вы задумали. Когда выбежал из штурманской, всё было кончено. Если бы знать, можно бы...

— Пустое, — сказал старпом. — Они бы перебили всех. Где корабль? Красносёлов замылся.

— Куда-то делся. Не отследил...

— Вы ведь сейчас с мостика? На экране его видно?

— В десятимильной зоне — нет.

Он явно что-то недоговаривал. Не хотел говорить.

Почти всю ночь Красносёлов так и просидел на свернутом матрасе. Вставал, делал пару нерешительных шагов туда-сюда в тесном пространстве между спящими, не находя себе места, испытывая необходимость забыться привычным уже способом — принять стакан-другой спиртного. Понимая, что мешает людям, возвращался на место и какое-то время опять сидел тихо. Под утро начал шариться в поисках туалета, забрёл в буфетную, от изумления и негодования при виде самодельной парашаи выругался...

До него дошла наконец страшная истина: он сравнен с другими, опущен, можно сказать, до самого низа. И хуже всего в этом новом состоянии не жизнь в тесной, душной камере бок о бок с измученными и озлоблёнными узниками (когда-то послушным экипажем, которым он увлечённо и искусно манипулировал), даже не эта гадкая параша, а полное отсутствие информации, абсолютный отрыв от тех, кто вершит судьбами, — в том числе определяет и его, Красносёлова, судьбу. В рубке ему казалось, что он ещё остается в числе распорядителей. Во всяком случае, приближен к ним, владеет «закрытыми» сведениями, недоступными другим членам экипажа, и тем самым как бы облечён доверием начальства. Теперь ему не оглядеть палубу судна с высоты мостика, не поставить точку обсервации на карте и не вступить в перепалку с Бобом. Больше того, он никогда, наверное, к этому бандиту даже не будет допущен, — ведь какое бы место Боб ни занимал во властной иерархии (ничтожное, смехотворно малое!), для Красносёлова он теперь на недосыгаемых заоблачных высях и, скорей всего, забыл о самом существовании капитана. Зачем начальнику, пусть маленькому и временному, думать о тех, в ком больше нет нужды и кто обыкновенная людская пыль?

Утром Чернец пошевелился и что-то пробормотал. Сидевшая возле него Света тихо позвала:

— Владимир Алексеевич, он хочет с вами поговорить. Вы сможете подойти?..

Акимов поднялся, приблизился к ним.

— Они подтвердили, — сказал ему Чернец. — Они ответили мне, что всё поняли. Слышите? Я успел передать всё, как договаривались. Ещё бы не понять. Вы такой фейерверк устроили...

— Ты герой, Андрей, — ответил старпом. — Кроме тебя никто бы этого не сделал.

— Рука болит, — сказал Чернец. — И башка. Как у Пашки Жабина. Тошнит чего-то... Отправьте меня в санчасть. На корабле должна быть санчасть.

— Отправим, — пообещал старпом. — Потерпи ещё чуть-чуть.

Чернец прикрыл глаза, давая понять, что услышал и готов ждать.

— Никуда вы его не отправите, — вдруг отчетливо произнёс капитан. — Это заговор. Все против нас, чем бы они там ни занимались...

Народ ошеломлённо притих.

— Да ладно — заговор! — вспылил наконец Ругинис. — Что общего у военных моряков с бандитами?

— В самом деле, е...ть! — поддержал боцмана Иван Егорович. — Мало нам без заговоров хлопот. Скажи, Алексеич!

Многие обернулись к старпому, но тот молчал. Долгое время тишину нарушали только тяжёлое дыхание Андрея да причитания Нины Васильевны.

— Корабль выходил на связь, — продолжил Красносёлов после паузы, словно приняв какое-то решение. — После всего.

— По УКВ? — спросил старпом осипшим голосом.

— Да. Работает аппарат, не знаю, почему у вас не получилось связаться.

- Кто с ними говорил?
- Не я. Но я всё слышал.
- Ну?..

— Посоветовали поостороже следить за экипажем. Чтобы у нас не летали сигнальные ракеты и не мигали фонари.

После этого все затихли надолго. Молчал Акимов, яростно сопел Ругинис, детская обида застыла на лице Лайнера, побледнел и загаил дыхание Бугаев. Трудно даже вообразить, что творилось в эту минуту в разных головах.

Глава девятая *Оборотни*

Первый подозрительный звук разбудил старпома среди ночи. Круглые часы на переборке показывали пять минут второго. Ему почудилось тихое поскрипывание кранцев, как будто кто-то пришвартовался рядом с судном и тёрся бортом о борт. Выглянуть наружу не было возможности, все иллюминаторы заварены, и он скоро опять начал дремать, но тут его внимание привлёк шёпот.

— Знать бы! Он здесь один всё знает, но никогда не скажет.

Это был голос Бугаева, раздававшийся не с обычного места напротив, а из дальнего угла.

Акимов поднял голову и различил силуэты Бугаева и Светы, сидевших рядышком на палубе возле постели Чернеца, прислонясь к переборке. Света, казалось, в полном изнеможении склонила голову Бугаеву на плечо, он как будто обнимал её одной рукой. Картинка в оранжево-коричневых тонах была нечёткой.

— А ты спроси! — прошептала Света. — Если знает, то скажет.

— Скажет, как же!.. Ты просто влюбилась в него как кошка.

— Дурак. Зачем только я такого дурака жалею.

— Конечно, влюбилась. Думаешь, я не замечаю, как ты на него глядишь?

Все это видят.

Рядом недовольно заворочались сразу несколько человек.

— Светка, уж ты бы выбрала кого-нибудь одного! — проворчал из темноты Бородин. — А то вьются вокруг, только спать мешают.

— Попробуй между ними выбери! — встрял Грибач. — У одного не стоит, другой кончить не может.

— Со старым херово, — серьёзно прокомментировал Жабин. — Палку кинет, и кранты. Мой отчим так на матери подох.

— Свет, ты лучше за Стёпу выходи, он ещё маленький!..

— Не троньте девку, пусть побалуется, — примирительно сказал Сипенко.

Многие, оказывается, в эту ночь не могли заснуть. Уставший от проблем народ устроил себе разрядку.

Акимов нарочно громко спросил у Светы, как Чернец. Она спохватилась, намочила под краном полотенце, поменяла больному компресс. Подошла и к старпому, предложила обезболивающее — у того всё ещё кровоточил разбитый рот. После бессонных ночей она совсем валилась с ног. Он посоветовал ей прилечь, а сам начал куда-то падать. Падал, падал...

И тут как раз ухнуло на палубе где-то ближе к баку — словно груз свалился сверху. Это Акимов после сообразил, а проснулся от кошмара, содрогнувшись: ему привиделось, что его сбросили в трюм с ящиками. По судну тоже прошла дрожь.

Все, кроме Чернеца, мигом подскочили на своих постелях. Недоумённо озирались в полутьме при свете тусклого фонаря над дверью, возле которой, как всегда, невозможно сидел стражник.

Там, снаружи, явно шла необычная возня. Похоже было, что работал судовой кран. Что-то несколько раз беспорядочно ударило о стенки и горловину трюма, словно из него вытягивали громоздкий, тяжёлый предмет. Затем судно принялось всё больше и больше упруго крениться на левый борт — по мере вылета стрелы с грузом. Снова раздался натужный скрип кранцев, скрежет борта о борт; но вот —

глухой удар тяжеловеса, опущенного на неведомое плавсредство рядом, всплеск стеснённой воды между бортами — и судно вновь на ровном киле.

— Ругинис! — крикнул старпом.

— Я здесь.

— А где Иван Егорович?

— Рядом со мной.

— Тут я, тут, — суетливо подтвердил Сипенко.

— Значит, это не наши? Кранами работают.

— Здесь предателей нет, — отчеканил Ругинис.

Старпому сразу вспомнилось услышанное по иностранному радио: «судно оказалось в руках группы изменников»... Он ещё тогда задумался, что же они имеют в виду. В самом деле, кого в такой запутанной, подлой истории называть предателем? Уж не мальчишку ли, который отважно проник в трюм только для того, чтобы узнать преступно скрываемую от людей правду, а потом честно сообщил эту правду тем, кого принял за представителей власти? Или, может, Чернеца, посылавшего сигнал «SOS» на военный корабль, рисковавшего собственной головой в надежде спасти всю команду? Боцман хорохорится, строит из себя, а ведь если поведут под дулами автоматов, как тогда, когда название на борту перекрашивали, — пойдёт как миленький. Хоть на кран, хоть в первый трюм треклятые ящики стропить. Против автомата не попрёшь, это тебе не со старпомом препираться. Никуда не денешься...

— Предателей тут как грязи, — пробурчал Жабин, словно прочитав мысли старпома.

Через несколько минут всё повторилось сначала: тяжёлые удары ящика о стенки и горловину трюма, нарастающий крен, скрип бортов, плеск воды. Затем третий раз, четвёртый, пятый...

Сначала старпом механически считал выгрузки, потом сбился и бросил: в этом не было никакого смысла.

— Чем бы они там ни занимались, всем заправляет мировое правительство. Наши пацаны у них на посылках, — неожиданно выдал Бородин. Его, как почти всех, продолжал терзать жуткий факт сговора военных моряков с налётчиками.

— Это кто «пацаны» — которые в адмиральских погонах, что ли? — скептически уточнил Красносёлов.

— Да все подряд, и в погонах, и без погон.

— Слушайте, — тотчас выдумал Сикорский, — а хорошо бы сидеть вот так в тропическом раю, как мы сейчас, но только на своей бронированной яхте, а? Типа наслаждаться морским пейзажем. Иногда включать телефончик и невзначай так кому-нибудь из своих ребят, под настроение: «Слушай, скажи этому черномазому, чтобы вернул Путину Аляску! Побаловались — и хватит. А китаец у меня уже в печёнках сидит, пускай делится, собака, не то я у него Тибет отрежу! Что там в Нигерии, опять воюют? В Антарктиду их всех! И разбомби в Британии парочку промышленных мегаполисов, они мне морской воздух портят своими трубами...»

— Хотелось бы посмотреть, кто к нам пришвартовался, — промолвил капитан.

— Едва ли вояки рискнули, да и неудобно им загружаться, — предположил старпом. — Шаланду пригнали.

— Логично. Вопрос в том, чья это шаланда.

— Уже пришвартовались? — невнятно переспросил Чернец. — Мне бы в санчасть. Поставят на ноги, дальше я сам...

Акимов подошёл, присел над ним возле Светланы. Бугаев остался рядом и вдруг громко заговорил, с вызовом и какой-то отчаянной надеждой одновременно:

— Если люди, которые нас задержали, подчиняются российскому кораблю, значит, ракеты всё-таки продаёт не государство? Значит, это наши перехватили чью-то контрабанду?

— Какие ракеты? — с неподдельным изумлением спросил Лайнер.

— Что значит — подчиняются российскому кораблю? — не выдержал, со своей стороны, капитан. — Уж не думаешь ли ты, что эти бандиты — наш спецназ?

— Но вы же сами сказали...

— Я такого не говорил! Это какую же кашу надо иметь в голове вместо мозгов, чтобы решить, будто российские военные могут захватить своих моряков и так над ними издеваться! Стыдно должно быть.

— Нынешнее молодое поколение одну Америку уважает, — сокрушенно вставил Лайнер.

— Мне сейчас за многое стыдно. И страшно, — тихо сказал Бугаев. — Страшно вспомнить, как я в первый день на тросе плясал. Мог запросто без ног остаться, если не хуже. Из-за глупости, из-за того, что хотелось бывалым выглядеть, насмешек побоялся. И с этими ящиками тоже испугался, хотя от многих про них слышал. Надо было ещё в порту, до выхода в рейс, во весь голос кричать! Тогда бы, может, не сидели мы теперь здесь.

— Тогда бы ты сел за решётку там, — сказал Бородин.

— Ещё успеет, — пренебрежительно бросил Грибач.

— Это должен был делать не ты, а капитан, — жёстко заявил Ругинис.

У боцмана нервно подрагивала верхняя губа, он приготовился к бою. Но Красносёлов молчал, понунив голову.

— Нет, объясните мне, про какие ракеты он тут нам заливает? — никак не мог уговориться Лайнер.

— Не волнуйтесь вы так, Борис Исаакович, — не выдержал Сикорский. — Сегодня день такой — у всех крыша едет.

— Ночь такая, — самодовольно поправил Лайнер.

— Господи, конечно же, ночь! Однако юмор у вас... Обзавидуешься.

— Вы все сами подписываете себе приговор! — выкрикнул Бугаев затравленно. — Неужели не страшно?

Старпом подоткнул Чернецу одеяло, поднял глаза на Бугаева:

— Страшно. Не об этом ли вы хотели меня спросить?

— Спросить?.. Н-нет, о другом. Я ведь полночи провёл в том трюме. Что со мной теперь будет?

— И я туда спускался. И не один я. Целый день с Иваном Егоровичем и Андреем там работали. А как оно на здоровье влияет, какие могут быть последствия, сам не знаю, честно. Мы-то с вами пока живы-здоровы, а вот Андрей...

— Вам легче, вы хотя бы знаете, что происходит, кто и зачем всё это делает, — прервал его Бугаев. — А я ничего не понимаю. Кто нас захватил? Если это бандиты, как вы все говорите, почему наши военные с ними в сговоре? Куда сгружают ракеты? Что будет с нами дальше? Кому верить, за кем идти? Объясните хоть что-нибудь! Получается, вся наша страна какая-то незаконная и проклятая? Кого слушать, чтобы прожить честно, куда бежать? Я многое могу, я готов рисковать жизнью, но только ради настоящего дела, ради правды. Укажите мне эту правду! Я не хочу грешить, дайте мне опору и надежду!..

— Если я вам скажу, что не знаю ответов ни на один ваш вопрос, вы мне не поверите. Тогда какой правды вы от меня ждёте? Вы очень молоды, Бугаев. Вам кажется, что вокруг вас одни подлецы и преступники. А люди в большинстве своём просто слабы и живут так, как получается. Универсальной правды не знает никто, она нигде не записана. Каждый раз жизнь поворачивается новой стороной, открывается что-то другое, и приходится делать выбор. Иногда вслепую, по наитию. Да, вы доказали, что умеете рисковать. Вы потрафили своему самолюбию, может быть, даже следовали какой-то идее. И что из этого вышло?.. Не ищите правды там, где корысть. Попробуйте найти опору в себе. У вас есть родной дом, есть мама, которая любит вас бескорыстно, чему-то она вас учила. Были в жизни и другие светлые примеры, наверное. Приглядитесь к Андрею, вы с ним жили бок о бок...

— Да что вы всё Андрей да Андрей! — закричал в запальчивости Бугаев. — Головорез он, этот ваш Андрей, нечего меня с ним равнять!..

Света с гневным изумлением вскинула голову. Старпом помолчал и продолжил глухим, изменившимся голосом:

— Вы спросили, я отвечаю. Не хотите грешить — не грешите, и только. Слушайте себя, делайте то, что считаете правильным. Это не обязательно совпадёт с

писанным законом, это может быть совсем не тем, чего ждут от вас окружающие, вас могут за это и не похвалить. Есть что-то такое, что само прорастает в человеке. Надо только не мешать ему окрепнуть, а с ним можно хоть на край света... Вот так. Андрей там побывал, на краю-то, он мне рассказывал... Чёрт! Болтаем тут, время тянем!

Он вскочил, закричал стражнику:

— Эй, служивый! Позвони там начальству, чтобы немедленно вызвали врача! С шаланды, с корабля, вертолётom с берега, откуда хотите! Быстро, иначе мы высадим дверь и сами распорядимся!

И действительно двинулся к двери. За ним с живостью, будто давно только этого и ждал, последовал капитан. По примеру командиров начали подниматься другие. Скоро вокруг тюремщика образовалось полукольцо. Многие тряслись от страха, прятались за чужие спины. Ждали чего угодно, только не того, что случилось дальше.

Стражник повёл себя вопреки всякой тюремной логике. Вечно молчавший бритоголовый истукан неведомой национальности, про которого даже не было известно, понимает ли он по-русски, изобразил на лице что-то вроде улыбки и старательно, как иностранный студент на уроке русского языка, выговорил:

— Сейчас, сейчас. Подождите минуточку!

Затем встал, отпер своим ключом дверь (прежде она отпиралась только снаружи, внутренняя стража предусмотрительно ключи при себе не держала) и как-то боком, по-прежнему улыбаясь и чуть не кланяясь, выскользнул из столовой. При этом не забыв, однако, щёлкнуть замком с той стороны.

Узники застыли в недоумении. Всё это было похоже на завершение очередного акта в каком-то нелепом спектакле.

Часы показывали половину шестого.

— Песец, ребята, — раздался в напряжённой тишине тонкий, дрожащий голос Сикорского. — Мы же свидетели. Мы им теперь ни к чему.

Дверь взломали не скоро. Во-первых, долго не могли оправиться от потрясения. Какое-то время надеялись (не все, конечно), что стражник действительно пошёл за доктором и скоро его приведёт. Во-вторых, подступали с осторожностью, готовясь к шквальному огню снаружи. Не могло быть такого, чтобы их оставили совсем без присмотра! Никто не хотел становиться тараном и первой жертвой. Решимости придало только неприятное чувство, рождённое словами Сикорского: в этой душной, наглухо закрытой камере уморить газом или расстрелять всю команду было проще простого. Ну и в-третьих, наконец, судовая дверь в металлической раме — не слабая вещь, с ней не сразу справится и физически крепкий человек. Среди узников крепких поубыло, а кто остался, изрядно растеряли свои силы за дни вынужденной неподвижности.

Первым начал толкать дверь плечом старпом, не остывший от приступа ярости (он в те минуты действительно потерял над собой контроль и шёл на рожон). Когда он выдохся, за дело принялся массивный Красносёлов, однако и капитанский вес не помог. Стали пробовать другие, уже осмелев, поскольку снаружи не последовало никакой враждебной реакции. Дверь трещала, но не поддавалась. Наконец Жабин крикнул «посторонись!», разбежался — и его изношенный на палубе кирзовый сапог довершил дело.

Дальнейшее могло показаться постороннему взгляду новым актом всё той же пьесы. Люди обрели желанную свободу, но никто не спешил ею воспользоваться. В распахнувшийся с треском проём глядели чуть ли не с ужасом. Предстояло начинать какую-то совсем другую жизнь, к которой никто не успел внутренне подготовиться: так быстро произошли перемены. Требовалось самостоятельно принимать решения, совершать рискованные поступки. Официально их никто не освобождал: за углом коридора вполне может скрываться автоматчик, и — «при попытке к бегству». Ведь если Сикорский прав, тюремщикам потребуется формальное обоснование для расправы, пусть самое ничтожное и глупое; кто-то с них в конце концов спросит за кучу трупов...

Старпом переступил через комингс. К нему вплотную, зябко передёрнув плечами, пристроился Сикорский. И снова резвость проявил капитан — стремительно обошёл обоих на короткой дистанции в узком коридоре, раньше всех оказался в холле, оглядел внизу и вверх трап и махнул рукой остальным: чисто! Тут уже рассыпалась по ступеням дробь множества ног. Одни кинулись в каюты, в надежде встать наконец под душ и переменить белье, другие — на воздух, на палубу. Красносёлов с Акимовым, не сговариваясь, устремились в рубку.

Все двери были нараспашку. Никаких чёрных людей с автоматами. Кто-то маячил на правом крыле, с оголённым торсом, в закатанных до колен штанах и босой. Да в левом дальнем углу рубки приник к иллюминатору плечистый парень в оранжевой футболке, словно замечтавшийся при виде сияющей морской глади. Однако вошедших заметил сразу и обернулся:

— Вы уже здесь! Тогда подойдите сами. Корабль вызывает всё утро.

Благодушная ухмылка на лице, под короткими рукавчиками поигрывают рельефные бицепсы, татуировки на запястьях... Старпом, с ещё опухшим после побоев лицом и саднящими дёснами, невольно отпрянул. Капитан остолбенел, не в силах поверить своим глазам. Это был Боб.

Из оцепенения их вывел раздражённый хриплый голос по громкой связи УКВ: «Вызывает сторожевой корабль «Успешный». Капитан сухогруза, ответьте кораблю!»

Боб щедрым жестом ещё раз пригласил мастера к аппарату и степенно покинул мостик. Акимов вышел на крыло. Долговязый тип в тренировочных штанах, подставлявший первым лучам солнца изъеденную оспинами спину, также не нуждался в представлении.

— В корму смотри, — посоветовал он старпому.

За кормой в полумиле или чуть меньше от судна стоял на якоре военный корабль — тот самый, с тем же номером на борту.

Тем временем Красносёлов в рубке неохотно подошёл к аппарату и взял микрофон.

«Капитан сухогруза!..»

— Капитан слушает. Что надо?

«Сообщите название вашего судна и порт приписки!»

Акимов уже вернулся в рубку. Увидел, как Красносёлов медлит, как наливаются кровью его лицо.

«Капитан сухогруза, как называется ваше судно?»

— «Хули ссыш», порт приписки Сингапур, — сквозь зубы вымолвил наконец капитан.

«Что?!..»

Со стороны корабля произошла какая-то заминка связи, некоторое время в репродукторе были слышны отдалённые дебаты. Затем раздался уже другой, более «штатский» — введливый, немного заикающийся голос:

«Это, это кто? Это Красносёлов? Ты понял, с кем ты разговариваешь? Что за херня у вас на борту написана? Как судно называется, спрашиваем?»

— «Хули ссыш», — бесстрастно повторил мастер.

«Хули ты сам...»

Капитан не стал его слушать, вырубил связь. Стоял в мрачной задумчивости, тербил свои давно не стриженные усики.

— Нам нужен доктор, — напомнил Акимов.

— Попробуй. — Красносёлов пожал плечами, отодвинулся от аппарата.

— Корабль, корабль, вызывает сухогруз, — сказал старпом в микрофон. — Стоим на якоре, видим вас в полумиле по корме. На борту тяжело раненный член экипажа. Нужна немедленная госпитализация, просим помощи. Можем спустить свою шлюпку, но это долго. Люди страшно устали, некому работать. И больного трогать опасно. Лучше пришлите за ним катер с врачом. Скорее! Как поняли?

«Кто говорит?»

— Старпом говорит. Старший помощник Акимов.

«А чего Красносёлов выё...ся? Ему что, моча в голову ударила?»

— Да по нам по всем ударило. Вы там тоже... В общем, поторопитесь, человек может погибнуть. Конец связи.

Повесил трубку, похлопал понурого мастера по плечу:

— Пойдём в каюты, переоденемся? Похоже, нам скоро держать ответ. Отоспаться-то не дадут...

— А кто на вахте останется?

— Тыфу ты! До чего же отвык работать. Если бы не Чернец, оставить бы тут вон того клоуна... — Старпом кивнул в сторону полуголого Киржака на крыле. — Ладно. Своё время отбуду, тем более что этих вояк придётся, кажется, ещё не раз дёрнуть, чтобы чего-нибудь от них добиться. А ты... А вы предупредите, пожалуйста, Бородина, чтобы в восемь пришёл сменить. Пришлите сюда Бугаева, может понадобится для поручений. И проследите, чтобы Чернеца не оставляли одного!.. Или уж мне сходить? А то надавал поручений.

— Не волнуйся. Всё сделаю.

— Да, как бы Жабин чего не выкинул, когда встретит этих курортников без оружия... Что творится, господа!

— То ли ещё будет! — эхом откликнулся от двери капитан. Вроде как процитировал легкомысленную фразу из давнего шлягера, знакомого обоим, а слух резануло посильнее самого чёрного юмора.

Старпом понемногу обживался в новой старой роли, насколько позволяли усталость и проведённая без сна ночь. Сама просторная светлая панорама — и рубки, и тем более безбрежной океанской шири вокруг — уже давала целительный отдых после многодневного заточения в душной и тёмной столовой. Первые минуты он чувствовал приятную расслабленность, словно в самом деле попал на курорт. Среди такой благодати не хотелось поддаваться тяжёлым мыслям.

«Курортника» на крыле трогать не стал — понимал, что налётчики как бы «передали вахту» по указанию таинственного начальства, однако не от всех своих обязанностей пока освобождены.

В какой-то момент Акимов испытал неясное беспокойство, точно в рубке не доставало привычного и очень важного для работы условия. Ходил с крыла на крыло, подозрительно всматривался в каждую деталь. В голове стоял туман, мысли рассеивались, не успевая родиться. Наконец осенило: радары! Ни один экран не светился. Кинулся к основному прибору, начал манипулировать кнопками. Никакого результата. Щёлкнул тумблером другого радара — то же самое. Догадался заглянуть вниз, увидел вырванные с корнем и порезанные кабели и сразу всё понял. Было бы наивно рассчитывать, что морякам позволят подглядывать на экране, куда улепётывает шаланда (или что бы там ни было) с секретными ящиками и сколько ещё неведомых плавучих объектов шныряет вокруг. А глазами уже не вымотришь, поздно.

Тогда вспомнилось старпому про радиопеленгатор, который совсем недавно помогал выжить, прорывая информационную блокаду. Он-то цел ли? Пеленгатор работал. И опять Акимову повезло: почти сразу наткнулся на какую-то отечественную радиостанцию. Дождался получасовых новостей, напряг слух. Вот оно!

«По сведениям зарубежных информационных агентств, в Северном море обнаружены следы судна «Global Spring» с российским экипажем на борту, пропавшего более трёх недель назад в районе пролива Ла-Манш. Как сообщается, норвежская рыболовная шхуна подобрала с воды записи одного из членов экипажа и некоторые личные предметы. Находка уже передана российской стороне и тщательно исследуется компетентными органами. Как известно, на прошлой неделе президент России распорядился начать поиски судна всеми средствами, имеющимися в распоряжении Военно-морского флота и Вооружённых сил страны, включая дальнюю стратегическую авиацию и космические войска. С этой целью в район был направлен отряд российских боевых кораблей. К сожалению, поиски пока не дали никаких результатов. Специалисты не исключают, что судно погибло во время жестокого шторма в Бискайском заливе».

Это могло значить многое. Например, что моряков уже списали и готовятся похоронить.

Ещё одна информация прозвучала на другой волне:

«Министерство обороны России опровергло появившиеся в ряде западных изданий сообщения о том, что российский военный корабль обнаружил и преследует «Global Spring» у берегов Западной Африки»...

Пошли ходки снизу. Иван Егорович, одетый уже по-рабочему, в привычную робу, принёс худую новость: на корме обнаружена бочка с дотлевающим ворохом пепла — похоже, там палили какие-то тряпки и документы, общесудовые и членов экипажа. (Под самым носом у сторожевика, подумалось Акимову; хотя кто знает, где находился ночью корабль и чем занимался.) Сипенко даже притащил с собой и показал обгоревшую корочку чьего-то паспорта. Какой смысл был в этом заочном аутодафе, Акимов не понимал, но известие подействовало на него удручающе.

Взлетел на мостик посвежевший Александр Васильевич в чистой рубашечке. Следом притащился Лайнер, заныл: у него пропали таблицы износа оборудования, теперь он не сможет определять сроки планового ремонта. Электромеханик, по его словам, начал было задавать вопросы чужакам («ну, которые разгуливают по судну в футболках и шортах»), но те ничего не знают и не помнят про таблицы, отрещиваются. Морды вроде знакомые, а люди другие. Называют себя ихтиологами.

— Это второй состав, — шептал Лайнер таинственно, косясь в сторону крыла, где ещё прохлаждался Киржак. — Двойники. Тех подменили!

— Мда, — промямлил Сикорский. — Короче, этих будем отмывать или других наделаем?

— Вот-вот, — обрадовался Лайнер. — Наделали других! А мы за них отвечаем.

— Это как? — не понял старпом.

— Ну, теперь они вроде как наши гости. Живём одной большой семьей. Значит, и дела общие...

Глупость глупости рознь; Лайнер мог по глупости сморозить такое, отчего мурашки шли по коже.

Присланного капитаном Бугаева (после бурных событий парень выглядел вполне счастливым и даже подтянутым, вопросов не задавал) старпом отправил вниз: во-первых, проследить, чтобы кто-то всегда был возле Чернеца, и постоянно докладывать на мостик о состоянии больного; во-вторых — попросить Светлану по судовому расписанию приготовить и накрыть в кают-компании завтрак для всей команды.

— В кают-компании, а не в столовой, — подчеркнул Акимов. — И поплотнее!

Это опять-таки было предчувствие: он понимал, что грядут события, которые вновь нарушат размеренную жизнь, и ещё неизвестно, когда экипаж сможет в другой раз перекусить. Однако напутствие прозвучало даже празднично — Бугаев уж точно решил, что речь идёт о радостном застолье в честь освобождения.

— А ихтиологов тоже будем кормить? — поднял очередную проблему простодушный Лайнер. Подумал и добавил: — Только они привыкли отдельно питаться, с нами не сядут...

— Да ведь это не они, Борис Исаакович, это двойники, вы забыли? — пошутил Сикорский.

Раздался звонок из машины. Акимов в сердцах стукнул себя по лбу: только в полном затмении можно было забыть про двух механиков, сидевших там с самого начала плена.

— Владимир Алексеевич, ты, что ль? Ну слава богу. Это Карапетян.

— Ашот Иванович, дорогой, как вы? Где Пильчук?

— У нас порядок. Станислав Игоревич, правда, язвой мучается, мы на сухом пайке сидим. Рыболовы ушли, что дальше делать?

— Кто ушёл?!

— Да эти... Мы их рыболовами зовём. Что там за выгрузка ночью была?

— Да хрен с ней, этой выгрузкой, вы наверх поднимайтесь! Сколько можно сидеть. Законсервируйте там всё и идите отдыхать! Мы отсюда долго никуда не тронемся.

Время от времени старпом выходил на связь с кораблём, повторяя свой запрос. Отвечал ему, видимо, вахтенный офицер, и всё как-то уклончиво. Но в один из сеансов (к тому времени на мостик поднялся Красносёлов, успевший переодеться и выпить чаю) в репродукторе раздался начальственный басок. В ответ на очередную просьбу о медицинской помощи началось категоричное «всем оставаться на местах» и «готовиться к досмотру».

— Чего он лепит? — возмутился капитан. — Дай-ка мне!

— Уважаемые! — сказал в микрофон. — Мы плаваем под флагом Мальты, принадлежим финской компании «Микофрейт». Подверглись нападению, весь экипаж три недели сидел под арестом. Захватчики до сих пор на борту, но они сложили оружие и готовы, думаю, добровольно отдаться в руки правосудия. Вы вели с ними переговоры, вам лучше знать. Что касается обстановки на судне: у нас раненый, отсутствует связь, разрушены навигационные приборы. Вероятно, похищен груз, по крайней мере, его часть. Помогите с врачом, со связью. Можете арестовать и забрать налётчиков, их девять человек, мы окажем в этом содействие. Неплохо бы найти и задержать похитителей груза, они не могли далеко уйти. А в своих делах мы разберёмся сами. Присутствие военных на судне, какое-либо давление на команду нежелательны и даже опасны. Люди и без того измучены долгим пленом. Не забывайте, что мы находимся под защитой международной юрисдикции. Говорю вам это как капитан.

«У вас там бар-рдак!» — грозно и смачно сказали на том конце, и связь прервали.

— Бардак-бардак, — негромко повторил Сикорский излюбленное морским начальством словечко. — Бардачок-с... — Он снова пришёл в уныние.

Акимов похвалил мастера:

— Вы чётко формулировали. А у меня мысли разбежались во все стороны, не собрать. Что со связью, спутниковый телефон у вас в каюте?

— Ничего нет. Они всё похерили.

Около восьми часов капитан, наблюдавший за кораблем с крыла мостика в бинокль, увидел, как от борта отчалил катер с вооружёнными людьми на палубе.

— Что будем делать? — растерянно спросил его Акимов.

— Что тут делать! Беги завтракать. А я распоряжусь, чтобы подали трап.

На ватных ногах, с ноющим сердцем старпом сошёл вниз. Увидел через открытую дверь Свету, с ложечки поившую Чернеца чаем. Она радостно поднялась навстречу, зарделась. Больше никого в столовой не было. На палубе повсюду валялись неубранные смятые постели и пожитки.

— Андрюха, помощь едет, с нашего корабля выслали катер, — сказал Акимов Чернецу, испытывая отвращение к собственному голосу. — Держись, милый.

На губах у того, почувдилось старпому, мелькнула сочувственно-скептическая улыбка.

Акимов понуро пошёл прочь. Спиной ощутил обжигающий взгляд, обернулся.

— Ты в своей каюте был? — почти по-домашнему спросила Света, явно преодолевая смущение и робость, словно переступая с замиранием сердца какую-то черту.

— Нет ещё.

— Там всё вверх тормашками, наверное. Я у себя уже прибралась, постелила чистую постель. После завтрака иди отдыхать в мою каюту.

— А ты?

— Управлюсь на камбузе и тоже приду.

Старпом молчал.

— Что-то не так? — спросила Света через минуту. Её губы дрожали.

— Всё так, — поспешно сказал он, на миг отряхиваясь от гнетущего ожидания новой беды. Подошёл, крепко обнял её, впервые поцеловал в губы, чувствуя горьковатый привкус. Ласково вытер слезинку на её щеке. — Пожалуйста, наберись мужества. Мы ещё не вполне свободны. Этого «после завтрака» может и не быть. Но знай, что я рядом и всегда думаю о тебе.

Глава десятая

В поисках стратегии

Меньше чем через час на судне хозяйничали военные. По судовой трансляции экипажу приказали разойтись по каютам и ждать досмотра. Процедура морякам знакомая: так начинался и кончался любой заход в родные порты. Разница лишь та, что в коридорах и на палубах судна вместо пары-тройки пограничников появились в большом количестве вооружённые матросы в парусиновых робах и тельняшках. «Курортники», или, как теперь их звали почти все в экипаже, «рыболовы», не имевшие собственных жилых помещений, обосновались в кают-компаниях. Никакого особого внимания военные к ним изначально не проявили, никак не изолировали и отдельного караула не приставили.

Досмотровая группа состояла из старшего офицера корабля в чине капитана второго ранга, судя по виду — крепко пьющего и ко всему привычного, а также капитан-лейтенанта, выполнявшего следственные функции, и мордастого мичмана. Был ещё один, в гражданском костюме: невысокий округлый человек с маслянистыми глазками. В обход по судну они прихватили с собой Красносёлова и почему-то Грибача. Вшестером осматривали одну за другой каюты. Кавторанг рычал: «Встать! Фамилия!» Когда хозяин каюты докладывал фамилию, имя, отчество и должность на судне, раздавалось требование: «Документы!» Документов ни у кого не было. «Бар-рдак!» — раскатисто констатировал всякий раз кавторанг и поворачивался к Красносёлову с Грибачом: «Подтверждаете личность неизвестного?» Когда следовало подтверждение, небрежно бросал каплею: «Записать под вопросом». Затем шёл собственно досмотр, его производили каплей и мичман. Почти все каюты выглядели как после погрома, всё сколько-нибудь интересное было изъято или уничтожено ещё «рыболовами», так что досмотр был скорее формальностью и длился недолго. Впрочем, мичман своими заскорузлыми ручищами бесцеремонно охлопывал каждого моряка сверху донизу, а затем проходил по каюте.

Сопровождающий военных толстячок всматривался в лица, внимательно оглядывал помещения, но сам ничего не трогал и ни слова не говорил. Исключение сделал только для старпома: когда тот в очередной раз потребовал оказать медицинскую помощь оставленному без присмотра Чернецу, сказал со сладковатой улыбкой: «Поможем». Уже из коридора до Акимова донёсся рык кавторанга: «Где больной?» — «В столовой команды», — ответил Красносёлов. «Бар-рдак!»

В каюте, где навьютку стоял Бугаев, обнаружили завалившийся за борт койки Чернеца (возможно, умышленно им припрятанный) самодельный нож. Добротный, из толстой нержавеющей стали, с наборной рукояткой.

— Ваш? — спросил каплей.

— Нет.

— А чей?

Бугаев молчал.

— Достаньте своей рукой и положите сюда! — Каплей подставил полиэтиленовый пакет.

Бугаев ринулся выполнять приказание, но внезапно остановился — вспомнил, должно быть, какой-нибудь детектив, где подобным манером подлавливали лохов. А может, пришёл на память давний урок, преподанный ему как-то Чернецом. Выпрямился, весь бледный, снова упрямо повторил:

— Это не мой нож.

— Он у нас в первом рейсе, практикант, — попытался замять дело Красносёлов.

Мичман по сигналу осторожно двумя пальцами вытащил нож из щели, опустил его в пакетик каплей. Затем крикнул Бугаеву: «Руки назад!» — и, не дожидаясь, ловко завалил его на нижнюю койку и надел наручники.

В качестве тюремной камеры приспособили сушильное помещение без иллюминаторов возле рабочей раздевалки внизу. Бугаева втокнули в тёмную каморку, заперли на ключ, у дверей встал вооружённый матрос.

Когда кончили разбираться с членами экипажа, перешли в кают-компанию.
— Кто такие?
— Группа ихтиологов, изучаем подводный мир, — ответил за всех Боб.
— Как оказались на судне?
— Попали в сильный шторм на резиновой лодке, вдали от берегов. Кончилось горючее. Попросили убежища.

— Фамилия!
— Бо... Бориш Крачнер.
— Документы!
— Нет документов. Всё пропало в море.
— Подтверждаете личность? — Кавторанг обернулся к Красносёлову с Грибачом.

— Подтверждаю, — сказал Грибач.
— Это не член экипажа, посторонний, — сказал капитан.
— Он и не скрывает, что он посторонний! Вы лично его знаете или видите в первый раз?

— Не в первый.
— Добро. Подтверждаете сообщаемые им сведения?
— Эти люди поднялись на судно с оружием... — начал было Красносёлов. — Они...

— Нас не интересуют детали! Сейчас при них оружия нет. Подтверждаете или не подтверждаете? Не подтверждаете. А вы?

— Подтверждаю, — сказал Грибач.

Второй помощник быстро сориентировался в новой ситуации. Если он в часы своей вахты позволил подняться на борт вооружённым людям, да ещё без ведома капитана, — это как минимум серьёзное дисциплинарное взыскание и понижение в должности. А если безотлагательно помог терпящим бедствие — совсем наоборот. Записей об этом в судовом журнале он не оставил, не успел, да и сам журнал теперь уничтожен. Тут интересы «рыболовов» (и, как он почувствовал, кого-то ещё) совпадали с его собственными.

— Переписать имена всех под вопросом! — поручил кавторанг каплею.

Чернец несколько часов, пока длился досмотр кают, оставался лежать совсем один там, где лежал, — в опустевшей столовой с наглухо задраенными иллюминаторами. Комиссия навестила его последним. Кавторанг задавал те же вопросы (только что не кричал «встать!»), мичман так же тщательно обшаривал постель и тряпки, которыми был перевязан Андрей. Записали, как и всех, «под вопросом», но с особой отметкой, которая стояла ещё только возле фамилии Бугаева. «Уберите его отсюда!» — под конец распорядился кавторанг — не уточнив, впрочем, куда.

Покончив с жилыми помещениями, перешли к осмотру служебных и грузовых. Тут уже надо было развести команду по рабочим местам: механиков — в машину, штурманов — в рубку, боцмана — под полубак, повара — на камбуз... С кем-то обследовать кормовую тамбучину с румпельным отделением, шлюпки, груз на палубе и, конечно, трюмы. Сначала хотели запретить морякам покидать каюты и вызывать их по одному, двигаться с каждым адресно, но это показалось слишком муторным. Снова гаркнули по трансляции, употребив военно-морскую лексику: «Личному составу занять посты!» Экипаж вначале ничего не понял, а затем начал потихоньку выползать из кают. Вояки не препятствовали.

Как чувствовали себя в новой обстановке члены команды? Как всегда, поразному. Те, кто не умел или не желал задумываться над скрытыми пружинами происходящего, приняли вторжение на борт военных и устроенную ими проверку как должное. Для многих, несмотря на все завихрения собственного жизненного пути, корабль под российским флагом оставался на просторах мирового океана вполне законной и даже желанной силой, от которой они готовы были терпеть неудобства и притеснения. Кого-то прямо связывало с Военно-морским флотом их прошлое, собственная служба на кораблях; они ностальгически вспомнили молодость и не могли не отнестись с уважением к форме, тем

более — к двум большим звёздам на погонах кавторанга. Так было с Жабиным, Симкиным, Сипенко. По своему настроению примыкали к ним стюард Стёпа и Нина Васильевна Портянкина. Изворотливый Грибач в очередной раз обратил ситуацию себе на пользу; какое у него было при этом настроение и существовало ли вообще внутри него место для эмоций, напрямую не связанных с выгодой, — этого не знал никто. Третий помощник Бородин отнёсся к очередным событиям флегматически, довольный уже тем, что покончено с беспределом бандитов; он не ждал от соотечественников в погонах больших неприятностей — разве что по дурусти, свойственной воякам вообще и русским в особенности. Не разделял он и панической версии Сикорского насчёт того, что члены экипажа «Global Spring» могут быть для кого-то нежеланными свидетелями. Ругинис отгородился от всего невидимой стеной и держал себя с безгловым достоинством. Прямодушный Ашот Иванович Карапетян, второй механик, после долгих мытарств в неволе не имел ничего против начальственных строгостей, считая их закономерными, но недоумевал, почему недавние насильники уравниены в правах с экипажем и не сидят под замком. Эта болезненная проблема сразу поделила моряков на две неравные группы. Меньшая заведомо готова была принять всё, что подскажут сверху, а самое удивительное — легко подстраивала под это собственные опыт и воображение. Лайнер, например, быстро поверил в ихтиологов, терпевших бедствие в бушующем море, позабыл даже собственные домыслы о «втором составе» и бросал в сторону притихшей девятки, сгрудившейся в уголке кают-компании, полные сочувствия взгляды. Никаких противоречий эта версия в его голове уже не рождала. Большинство, конечно, недоумевало, негодовало, испытывало дискомфорт, кто-то (как Света, одной из первых узнавшая об аресте Бугаева) был на грани срыва от жестокой абсурдности происходящего. Сильнее других — не только физически, но и морально — пострадал сам Бугаев; внутри него рухнул мир, который едва ли подлежал восстановлению.

Капитан в самом начале, когда военные только поднялись на борт, попытался «качать права». Но сопровождавший кавторанга штатский толстяк с восточной внешностью (фамилия у него была подходящая — Пухло, звали Равиль Ахметович) отвёл его в сторону и сказал несколько слов. Как позже передавал капитан старпому, Пухло представился сотрудником российского посольства (в какой стране — не уточнил), специалистом по международному праву, и объяснил, что всё законно и соответствует общепринятой морской практике: военные поднялись на борт, отреагировав на сигналы бедствия и просьбы о помощи. Красную ракету запускали? Сигнал «SOS» давали? Ну вот. Разберутся и уйдут. Может, сказал и ещё что-нибудь, о чём Красносёлов предпочёл умолчать. После разговора с Пухло капитан сбавил тон и лишь попросил дать ему возможность связаться с берегом и поставить в известность обо всём случившемся судовладельца, однако его просьбу оставили без внимания.

Эту проблему чуть позже решил третий механик Сикорский, воспользовавшись дисциплинарными прорехами в военно-морском режиме.

Режим этот, надо сказать, оказался либеральнее, иными словами — значительно безалабернее бандитского. Когда начальственная комиссия (уже со стармехом и Лайнером вместо капитана и Грибача) надолго спустилась в машинное отделение, матросы повели себя совсем вольготно. Сами вступали в разговоры с командой судна, кого-то даже подбадривали со своейкой снисходительностью: «Не бойсь, корешок. Что мы, не русские, что ли?» Заприметив Светлану, провожали её в коридорах похотливыми взглядами, присвистывали и причмокивали вслед. Пытались флиртовать, как умели. Бородин, осаживая особенно ретивого ухажёра, спросил, понимает ли он, что находится не у себя в деревне, а как-никак на территории другого государства. «Ну и что? — был весёлый ответ. — Нам даже тельняшки в Индии шьют». У кого-то служивые кланчили сигареты, жвачку и прочую мелочь, с другими заводили разговоры про «ченч». Именно так вышли на словоохотливого Александра Васильевича, слонявшегося по коридорам в надежде услышать «музыку сфер», как он любил выражаться, а проще — узнать хоть что-нибудь о своей будущей участи. Обмен двумя-тремя легкомысленными ре-

пликами с одним, затем другим бойцом, фирменная хохма, невзначай оброненный намёк — и вот уже Сикорского тянут к бритоголовому пареньку в старшинских погонах, с туповатым, но целеустремлённым лицом. Начинается торг. Продавец нагло и уверенно набивает цену, чувствуя безвыходность покупателя. Александр Васильевич, немного растерявшись от разбухающей на глазах алчности юного бизнесмена в моряцком прикиде, пускает в ход весь богатый арсенал мимики и жестов. Наконец оба отходят в угол: Сикорский вынимает из кармана пачку зелёных банкнот, возвращённых ему в своё время налётчиками; морячок, озираясь, передаёт ему что-то из-под руки и быстро удаляется...

Чернецом занялись, когда Акимов получил возможность выйти из каюты и сам организовал людей. Вывалили и приспустили трап по правому борту, подтянули под него корабельный катер. Старпом с Жабиным снесли Андрея вниз на брезентовых носилках, уложили в трюме катера на банке. Акимов напоследок крепко сжал Чернецу здоровую руку. Андрей глядел молча; казалось, ему уже скучно было комментировать то, что происходило на этом несовершенном свете.

Возвращаясь после отхода катера к себе, Акимов едва не столкнулся со взволнованным Александром Васильевичем, который на глазах у него торопливо заскочил в капитанскую каюту.

Примерно через час катер вернулся, привёз на смену рядовому и старшинскому составу накормленных бойцов; прежний караул погрузился и отбыл на корабль. Это немного упростило ситуацию с питанием. Старпом на свой страх и риск распорядился готовить и накрывать обед: в кают-компании — для всего экипажа и оставшихся на борту четверых членов комиссии; в столовой команды, где раньше моряки сидели в заточении, — для «рыболовов». Чтобы ускорить дело, отрядил на камбуз в помощь Светлане Нину Васильевну и Стёпу.

Когда комиссия вернулась из машинного отделения, приготовления к обеду были в самом разгаре. Завидев суету и столпившихся в холле моряков, кавторанг зарычал было всегдашнее «бар-рдак!», но почуял запах борща и смягчился. Комиссия тоже проголодалась. Самоуправство старпома получило прощенье. Акимов надеялся завершить обед комиссии в капитанской каюте за бутылкой французского коньяка, чтобы мирно разрешить недоразумение с Бугаевым.

Было уже ясно, что прибывшее начальство само находится в затруднении, так как не имеет чётких указаний от более высокого начальства. История выходила за рамки, прописанные в уставе ВМФ. Пока кавторанг привычно управлялся с «бардаком», он мог ещё рычать и напускать на себя важный вид, но что делать дальше с приструненным гражданским экипажем, «рыболовами» и судном, не знали ни он, ни бывший при нём «советник посольства», ни даже сам командир корабля. По логике выходило так, что ничего чрезвычайного на сухогрузе не произошло: ну, подобрали моряки мирных ихтиологов, зачем-то изменили маршрут, изуродовали аппаратуру на мостике, повыбрасывали паспорта и прочие документы... Всё это было заботой судоходной компании, береговой охраны, полиции, может быть, психиатров, но никак не оправдывало присутствия сокрушительных военно-морских сил ядерной державы. Тем более что сами моряки о помощи уже не просили, скорее наоборот. Ничто обитателям этого странного ковчега, по видимости, не грозило, и тем более не исходило от него никакой глобальной угрозы человечеству.

Конечно, Пухло знал побольше кавторанга (что не мешало последнему и даже каплею относиться к нему и его профессии со здоровым военно-морским презрением), то есть представлял, кто тут есть кто и по какому поводу заварилась каша, но стратегией не владел и он. Казалось, в верхах никакой стратегии просто не существовало, царили неразбериха и растерянность. Разные ведомства действовали произвольно и вразнобой, сочиняя что-то на ходу.

Акимов заглянул к капитану, чтобы согласовать с ним послеобеденные переговоры. Сикорский был ещё там и выглядел сильно расстроенным. Старпом поведал мастеру свой план, тот рассеянно выслушал и отреагировал своеобразно:

— Ты вели сразу поставить им на стол графин. К борщу. Надо только охладить хорошенько. А там увидим, как дело пойдёт...

В эту минуту в каюте зазвучала, повторяясь, простенькая мелодия. Акимов настолько отвык от возможности телефонной связи, что долго ничего не понимал. Сикорский глянул испуганно на Красносёлова (ответившего ему, в свою очередь, изумлённым взглядом), поднялся с дивана и вытянул из кармана брюк мобильник. Какое-то время колебался, отвечать ли. Собрался с духом, нажал кнопку.

— Тыфу ты!.. Это же не нам, служивому звонят, — вслух решил мастер, успокаиваясь.

Но Александр Васильевич остановил его жестом и так, с повисшей в воздухе рукой, продолжал какое-то время слушать молча. Затем отвёл трубку, повернулся к капитану и бросил коротко:

— Это нам!

И снова стал слушать.

— Да! — сказал он через некоторое время в телефон. — Да, вы по адресу. Третий механик Сикорский. Передайте им: все живы! Один матрос ранен, остальные пока целы. Надеемся на лучшее. Передайте привет Александре Генриховне Сикорской, моей теще и супружнице! Фамилия раненого? Поговорите с капитаном, он здесь рядом.

Протянул Красносёлову мобильник, зашипел:

— Журналист по фамилии Скороходов! Из Москвы!..

Мастер неохотно взял телефон.

— Слушаю. Капитан Красносёлов.

— Меня зовут Евгений Скороходов, можно Женя, — послышалось в трубке. — В компании у меня есть знакомые, они мне только что сказали, что вы выходили на связь с этого номера. Очень рад, что все вы живы. Ваши родные испереживались, я один успокаивал их, как мог. Я с самого начала не верил в катастрофу. Но здесь вас хоронят! Вы понимаете? Они вас почти похоронили! Уже отыскивали в Бискае масляное пятно. Средства информации не оставляют надежды. Боюсь, что руководство компании с ними заодно. У них есть на это какие-то причины. Вас может спасти только огласка! Скажите, что передать близким? Свободны вы сейчас или нет? Все ли здоровы? В каком состоянии судно? Куда делись захватчики, чего они от вас хотели? Скажите, я хочу вам помочь и постараюсь опубликовать любое ваше заявление!..

Акимов сидел рядом с Красносёловым, разбирал каждое слово. Голос был искренний, в нём слышалось неподдельное сочувствие. Говоривший сильно торопился, опасаясь, что вот-вот прервётся связь.

— Спасибо, — медленно сказал капитан. — У нас порядок. Ничего не нужно.

— Но я всё равно извещу родственников! — захлёбывался голос. — Скажу, что вы в порядке, что скоро вернётесь домой! Всем скажу, что разговаривал с вами! На судне кого-то ранило, кто это?..

Красносёлов, секунду поколебавшись, отключился и кинул телефон на диван.

— Не пожалеем? — обронил старпом в пространство.

— Да что он может!.. — раздражённо откликнулся капитан.

— Это я выторговал мобильник у одного моремана, — возбуждённо принялся рассказывать старпому Сикорский. — За четыреста баксов! Плата за страх. Им даже самим запретили телефонами пользоваться, всё покрыто тайной. Хотел позвонить домой, а потом решил, что важнее сначала связаться с компанией. Как чувствовал... Там было мало денег. Хватило только на один разговор.

— Значит, с компанией всё-таки связались?!

Вопрос был обращен к капитану. Тот буркнул:

— Было дело.

— Ну?..

— Сказали, что знают про нас. Спецслужбы нескольких стран почти с самого начала вели судно. Так что волноваться вроде как нечего, всё у них под контролем.

— С кем говорили?

— Сначала с секретаршей... Стерва продажная! Наверное, она и выболтала номер. Все там куплены... А потом переключили на этого, как его... Лихоноса.

— И это всё?!

— Не всё, — сердито ответил Краснощёлов, повысив голос. — Посоветовали, пока идёт разбирательство, вести себя смирно и поменьше болтать.

Он смотрел на телефон. Остальные двое тоже смотрели на телефон, словно ожидая от него нового чуда. И вдруг мастер поднялся, быстро его подхватил и швырнул через открытый иллюминатор далеко в море.

— Нет!!! — завопил Александр Васильевич, протягивая вслед руки в запоздалой мольбе. Его лицо сморщилось, как у разобитого ребёнка. — Это же мой! Номер могут сообщить моей жене, она будет звонить...

Перед обедом комиссия в присутствии капитана и старпома успела ещё осмотреть мостик. Сразу обратили внимание на обилие пустых бутылок, которые мастер рассовывал в штурманской рубке по углам и ящикам, чтобы они в качку не катались по палубе. Кавторанг приказал каплею заснять бутылки на камеру, затем сложить в мешок и присоединить к вещдокам.

Охлаждённая водка была выставлена, графин осушили до дна, однако продолжения в приватной обстановке не последовало.

— Работы до хера, — сердито ответил Акимов на приглашение кавторанг.

Единственное, чего удалось добиться Акимову, — это чтобы с Бугаева сняли наручники и разрешили передать ему в камеру миску борща.

Самого старпома вместе с боцманом сразу после обеда забрали в обход по палубе. Приказали открыть свободные от палубного груза крышки трюмов. Кавторанг заглянул сверху в первый трюм:

— Ну кто ж так лес возит, мать вашу за ногу!..

Акимов увидел: горбыль, прикрывавший и амортизировавший ящики-тяжеловесы, поспешной ночной выгрузкой был выворочен и примят, частью перемолот в щепки. Обломки досок торчком выпирали из груды хлама на дне трюма. На рымах вдоль бортов остались висеть тросы, крепившие груз.

— Это не лес, сепарация, — объяснил старпом. — Тут были ящики с оборудованием. По документам — части буровых установок. Ночью их сгрузили, кто и куда — мы не знаем.

— Зачем морочить нам головы баснями? — обиженно спросил Пухло. — Разгильдяйство есть разгильдяйство, его надо признавать.

— Тоже мне, дедушка Крылов нашёлся! — с юмором подхватил кавторанг. — Любишь сочинять — иди в писатели.

Ругинис не проронил ни звука, слушал перепалку с затвердевшим лицом.

Старпом понял, что хотя бы в одном пункте наверху достигнуто согласие: никакого груза не было. А значит, и ночной выгрузки тоже. Это для них, похоже, самое главное, на этом будут стоять и домысливать, достраивать остальное. Но как? Куда девать всё видевших и переживших: самого Акимова, капитана, Мишу Бугаева, Свету, Чернеца, Ивана Егоровича, Симкина, Бородина, Сикорского, Карапетяна и прочих? Из команды один Грибач, пожалуй, подтвердит и подпишет что угодно; ну, Лайнер с Портянкиной могут уступить, по глупости или из страха, если им скажут, что «так надо», но остальные-то? Запугивают? Однако страх проходит, люди начинают проговариваться; особенно теперь, когда столько возможностей быть услышанным. Оказаться в центре скандала бывает очень даже выгодно. А это же мировой скандал! Или у них в арсенале есть средства, которые могут заставить человека считать бывшее не бывшим? Не то чтобы сделать из него полного идиота, что нетрудно, но было бы слишком явным, а обработать память выборочно, как уничтожают ядохимикатами отдельные виды растений. Рейс на Бенгази, к примеру, был, а ящиков — не было. В первый трюм ссыпали отходы и мусор, чтобы не тратиться на мусоросборщик в порту погрузки: разгильдяйство старпома. Подобрали каких-то ихтиологов, команда во главе с капитаном с ними перепилась, начались глюки. Малограмотный практикант полез за борт писать латинскими буквами вместо названия судна матерные слова, бывший осуждённый Чернец (ну и народ подобрался!) стал крушить приборы, кто-то дал ему за это по голове... В общем, заурядная бытовуха с новорусским размахом. Любят наши в «загранке» погулять, хотя бы

и посреди океана. Сторожевой корабль «Успешный», находясь в боевом походе, увидел фейерверки из сигнальных ракет, принял по семафору какую-то чушь и решил разобраться. Как смачно распишут эту историю СМИ! Сколько будет среди обывателей скорбных вздохов и поджатых губ!.. Странная тварь человек: то ли живёт и мыслит, то ли спит и бредит. Одолеваемый усталостью Акимов и сам не мог поручиться, что всё было именно так, как ему запомнилось. Проходит какой-нибудь день или час, даже минута — и прошедшее отлетает за пределы реальности, его уже нельзя пощупать. Впрочем, вот дыра и кисло-солёный вкус кровоточащей десны на месте выбитого зуба. Или взять раскучуроченную дверь столовой. А?.. Да никаких проблем: по пьяни. А он-то гадал, зачем нужно было жечь судовую документацию и паспорта! Чтобы перечеркнуть всякую реальность. Попробуй теперь докажи хотя бы, что ты — это ты! Пока будешь за своё имя, своё существование биться, уже сам себе верить перестанешь, на другую, общую правду никаких сил не останется...

— Завтра же зачистить трюм! — распорядился кавторанг.

— Куда девать доски? — задал вопрос Ругинис.

— За борт, куда ещё, — мрачно пошутил старпом.

— Ну зачем же так, — упрекнул его Пухло. — Вы прекрасно знаете, что в море ничего сбрасывать нельзя.

— А вы ещё лучше знаете, что эти доски на судне могут стать уликой, — набум отпарировал Акимов.

Похоже, попал в цель. Пухло глядел на него долго и задумчиво, с собачьей грустью в глазах.

— Хорошо. Это мы обсудим.

Когда вернулись в надстройку, кавторанг приказал починить дверь в столовой. За плотницкую работу привычно взялся Сипенко.

После обхода палубы в последний, как окажется впоследствии, промежуток относительной свободы (кто ж тогда знал, что произойдёт несколькими часами позже!) Акимов поднялся на мостик и послушал новости по пеленгатору. В эфире за прошедшие часы многое переменялось. Радио утверждало, что власти Финляндии с самого начала захвата судна знали о его местонахождении и постоянно отслеживали маршрут. Об этом было также известно соответствующим ведомствам России и Мальты, с которыми финские власти поддерживали тесные контакты. А далее передали совсем удивительную «горячую» новость: сторожевой корабль «Успешный» только что без единого выстрела освободил теплоход «Global Spring» от захватчиков, удерживавших его более трёх недель. Мальтийское судно, ставшее местом преступления против российских граждан, из которых состоял экипаж, временно перешло под юрисдикцию России, процедура которой возбудила уголовное дело.

В это время над морем низко пролетел вертолёт без опознавательных знаков. Выйдя на крыло, старпом проследил его путь: вертолёт сел на палубу корабля. Это было роковое, знаменательное совпадение, но Акимов в ту минуту не испытал тревоги. Напротив, первые хоть сколько-то похожие на правду слова в эфире его порадовали и обнадежили. Если про судно и экипаж заговорили во всеуслышание, значит, никаких чёрных замыслов по Сикорскому и никаких «похорон» по Скороходову не запланировано. Насчёт вертолёта он лишь отметил про себя, что у корабля, вероятно, налажена связь с берегом, и это тоже неплохо, потому что тяжелораненого Чернеца можно будет при необходимости срочно переправить либо в местный госпиталь, либо в аэропорт, а оттуда самолётом — на родину.

К вечеру катер доставил на судно сменный наряд. Вместе с матросами прибыли двое в штатском. Судя по тому, что комиссия во главе с кавторангом вышла встречать их к трапу, это было начальство. Правда, озадаченный и несколько недовольный вид встречающих свидетельствовал, что прибывшие свалились как снег на голову и никому из комиссии лично не знакомы. Когда же офицеры увидели, как неловко, оскальзываясь на ступенях трапа и судорожно цепляясь

за поручни, гражданские лица поднимаются на борт, на их лицах проявились откровенно насмешливые гримасы.

Первый из прибывших был худ, невысок ростом, с узким заострённым лицом и покатым лбом, незаметно переходившим в плешивую голову с реденькими пепельными волосиками. На вид ему было лет сорок с небольшим.

— Следователь по особо важным делам Максим Валерьянович Ухалин, — сразу представился он. — Мне поручено возглавить следственную группу.

Второй, помоложе, с курчавой рыжей шевелюрой, начинавшей чуть не от самых бровей, держался скромно и был у первого на подхвате. В руке он нёс чемоданчик. Ещё два чемодана тащил поднявшийся вслед за ними матрос.

Кавторанг поприветствовал прибывших холодно и надменно; Пухло улыбался приторно, но скорее по привычке, чем из подобострастия. Впрочем, обоим тут же было дано понять, что они недооценили роль и значение нового водящего лица.

— Задержания произведены? — прямо на палубе спросил первым делом Ухалин.

— Задержан один член команды, матрос Бугаев. В его каюте найден нож, — ответил кавторанг.

— Разве захватчики судна не под арестом?

— Оружия при них не было. И потом, они утверждают, что никого не захватывали. Отношение к ним в экипаже спокойное, уважительное...

— Идиотизм! — высказался важняк как бы в сторону, но вполне внятно. — Проводите меня в каюту.

— В каюту?..

— Да, в капитанскую каюту! И ровно через десять минут жду всех вас там.

Рассказывали, что, когда мастер, отдохавший в своей каюте, при виде вломившихся без стука незваных гостей выразил на лице недоумение, Ухалин произнёс:

— Это тот самый Красносёлов, который пытался выдать своё судно за другое? Наслышан о ваших подвигах. Скоро вы мне понадобится, а сейчас освободите помещение!

Среди экипажа судна, в основном сидевшего по каютам и лишь изредка решавшегося выглянуть наружу, в коридор или на палубу, где шастали военные (от них не знали, чего ждать: то гаркнут и передёрнут затвор, а то прилипнут и начнут вымогать сигареты или спиртное, — в зависимости от того, на каком удалении находятся их командиры), словно прошёл ветерок. Кто-то что-то видел и слышал, передавали из уст в уста. Ухалина острые на язык моряки сразу нарекли Колуном, прозвище мигом разошлось и закрепилось. Картину ареста «рыболовов» изображали в пересказе с особым смаком: как в кают-компанию вошла группа автоматчиков во главе с неумолимым мичманом, как всех девятирех поставили лицом к переборке враскорячку и надели наручники, а затем запрессовали разбойников, словно бочковую сельдь, в тесную душевую кабину на нижней палубе. На заключительном этапе появился возле арестованных сам Колун — вроде как для того, чтобы по-западному, по-цивилизованному зачитать им права.

— Не понял, — с угрозой в голосе сказал ему Боб. — Мы ведь, кажется, договорились?!..

— Я с вами ни о чём не договаривался, — жёстко возразил Колун.

— Хорош базарить, перекантуемся на нарах, бляха, зато после как люди жить будем, — разрядил обстановку Киржак.

Практически одновременно выпустили из заточения Бугаева.

Происходившее выглядело как настоящий переворот. Почти весь экипаж, не исключая старпома, испытал облегчение. Невозможно было поручиться только за ощущения капитана, которого действительно очень скоро пригласили в собственную каюту, но уже в качестве подследственного, да Грибача. С последним тоже побеседовали отдельно. Постарался Пухло: представил его Ухалину как полезного и перспективного информатора, готового из патриотических побуждений на многое. Грибач не сразу смекнул, куда подул ветер (это было ещё до

ареста «рыболовов»), и, когда Ухалин не без коварства спросил его, что он думает о поднявшихся на борт судна в Ла-Манше посторонних лицах, легко выпалил:

— Нормальные ребята! Не знаю, чего наши против них так... Я даже подружился с некоторыми.

Кто-то подслушал, как после этого в коридоре Ухалин решительно сказал Пухло:

— Никаких поблажек! Будет сидеть со всеми.

И это было приятно слышать — сам подход, принцип понравился. Над тем, что значила последняя фраза, никто из моряков тогда не задумался.

А около девяти вечера по судовой трансляции объявили общий сбор всей команды в столовой.

Выбор места немного смутил людей. Большинство недавних узников предпочитали в тот день в столовую не заглядывать. Помещение навевало тяжёлые воспоминания, выглядело неприветливо и мрачно. Иллюминаторы по-прежнему были наглухо заварены, на полу валялись неубранные постели. Даже воздух здесь, казалось, остался таким же спёртым и удушливым, каким был накануне ночью.

Расположились, кто где сумел, некоторые опустили себя со вздохом на свои матрасики. Капитан также появился, но не за столом, а в качестве рядового слушателя, отошёл подальше в угол. Акимов приблизился к нему, шепнул:

— Радио объявило об освобождении судна. Вы сегодня держались красиво, я просто... рад за вас. Будем и дальше вместе, можете на меня положиться. Главное, не дайте им себя расчеловечить...

Красносёлов в ответ рассеянно кивнул с лицом застывшим и озабоченным.

В другом уголке Света опекала нахохлившегося Бугаева, гладила его по плечу, тоже что-то нашёптывала.

Ждали долго. Все чувствовали себя немного прибитыми, никто особо не гомонил. Наконец дверь отворилась, и на диване и креслах вокруг журнального стола расселись Ухалин, его рыжий помощник с чемоданчиком, кавторанг и Пухло.

Следователь заговорил быстро и чётко. Первым делом поздравил команду с освобождением. Затем сообщил то, что старпому было уже известно из новостей: Российская Федерация берёт судно под свою юрисдикцию как территорию, на которой совершено преступление против граждан страны. Разумеется, только на время проведения следственных действий. По факту похищения судна и людей заведено уголовное дело. Преступление будет расследовано со всей тщательностью, ни один виновный не уйдет от ответственности. Сегодня главное — установить, что привело к захвату судна пиратами, какие цели они преследовали, были ли у них сообщники среди экипажа...

— Пиратами? — раздалась изумлённая реплика. — На негров они не очень похожи.

Это сказал Бородин. Акимов про себя восхитился резвостью неповоротливого третьего помощника. Старпома самого, с тех пор как он услышал сообщение по радио, одолевала мысль: как же теперь, признав факт захвата, власти извернутся с его первопричиной, то есть с ящиками в трюме? Ведь уже вроде решили, что груза нет и не было! Тогда кто и зачем напал на судно? А вот кто, оказывается...

— Юра, ты забыл старый анекдот про наших во Вьетнаме, — мгновенно и звонко отреагировал с другого конца столовой Сикорский. — Американского солдата спрашивают: «Почему тебя били только ногами?» — «А руками они вот так делали!»

И Александр Васильевич показал, как: натянул кожу на висках и сделал себе глаза-щёлочки.

Кто-то фыркнул, по столовой прошёл ропот. Моряки ещё были способны шутить, веселиться. Несмотря на творящиеся на глазах несообразности, никто особых подвохов, чего-то совсем уж дикого и бесчеловечного не ждал. Свои ведь пришли! Освободили. Какая-никакая, а законность.

— ...Были ли у них сообщники среди экипажа, — резко повысив тон, повторил Ухалин, — или причиной стало обыкновенное разгильдяйство командного состава во главе с капитаном. И в этом следствие целиком рассчитывает на вашу помощь. На сегодня члены команды проходят по уголовному делу как потерпевшие, но мы не можем исключать, что в процессе расследования вскроются факты, которые станут основой для возбуждения новых дел, и статус отдельных лиц будет переквалифицирован.

— Причиной был груз, который исчез сегодня ночью из первого трюма, — сказал старпом, решив покончить с недомолвками. — Вы будете заниматься его пропажей?

Пухло склонился к уху следователя и что-то ему прошептал. Ухалин кивнул, криво ухмыльнулся. Сказал громко:

— Каждый получит возможность изложить свою точку зрения на допросе. А сейчас прошу соблюдать порядок. Ваша фамилия?

— Акимов.

— Вы, гражданин Акимов, когда к врачу приходите, тоже первым делом сообщаете ему поставленный вами диагноз? Или всё-таки сначала рассказываете, что, где и как у вас болит? Разумеется, мы рассмотрим все версии, в том числе и те слухи, которые распространяли западные агентства. Там чего только не сочиняли. Однако никто, кроме России, и пальцем не пошевелил, чтобы вас освободить. Кстати, здесь присутствует капитан, ваш непосредственный начальник, который почему-то ни о каком грузе не заявляет.

Все разом повернулись к Красносёлову. Тот стоял молча, с каменным лицом, вздёрнув голову и топорща усы.

Старпом первым не выдержал зрелища этой пытки, отвёл глаза.

— Можем продолжить? — язвительно прокомментировал Колун. — Сейчас вас будут вызывать. Подходите к столу по одному и оставляйте отпечатки пальцев.

Рыжий помощник раскрыл чемоданчик, разложил на столе приспособления.

— Зачем это нужно? — с сильным акцентом, волнуясь, спросил Ругинис. — Мы здесь живём и работаем. Наши отпечатки есть повсюду, по ним вы ничего не узнаете.

— Это нужно в первую очередь для вас, — отрезал Ухалин. — Чтобы получить новые документы. Без них вы никогда не сойдёте на берег и не попадёте домой. Никогда! Вас в данный момент просто нет, вы не существуете, понятно?

Предостережение прозвучало зловеще, все снова притихли.

Рыжий вызывал по списку, привезённому следователями с собой. Первым подошёл к столу и приложил свои пальцы капитан, за ним последовал комсостав. Когда дошли до фамилии Чернеца, ответом было молчание.

— Где Чернец? — спросил Ухалин.

К нему на этот раз склонились с двух сторон Пухло и кавторанг, зашептали в оба уха.

— ...Справку о причинах смерти, — долетело до сидевших поблизости громкое указание следователя.

Никто не понял, о чём речь, да и не было уверенности, что слова расслышаны как надо, а потому реплику пропустили мимо ушей. Люди нервничали, потели, кто только что отошёл от стола, кто ждал вызова и малоприятной процедуры, каждому было до себя.

Выход Светланы привлёк особое внимание комиссии; с нескрываемым интересом проводил её глазами рыжий, в сладкой улыбке расплылся Пухло, Ухалин тоже несколько раз бросил исподтишка быстрые взгляды.

Ближе к концу списка обнаружилась ошибка: вместо буфетчицы Портянкиной назвали Портнову. Колун долго не мог понять, откуда взялась Портянкина и почему Портнова осталась на берегу. Вопросительно глядел на Пухло. Тот сказал: «Проверим». Судя по всему, следователям второпях предоставили старый экземпляр судовой роли. Бугаева, например, в этом перечне просто не было.

— Иди скажи им, — подтолкнула его Света, когда рыжий начал уже было сворачивать свой чемоданчик.

— Иди, иди, тебе же документов не дадут! — поддержал Иван Егорович. Мишу записали на отдельной бумажке.

— Тогда бы уж сразу и фоткали, в фас и профиль, — пробубнил Лайнер. Кто-то тихонечко заржал.

Колун выдержал долгую паузу, как учитель в расшалившемся классе, подождал, пока люди сосредоточатся. Он умел концентрировать на себе напряжение.

— У вас своя работа, у нас своя. Мы должны всё проверить, разобраться с каждым, получить подтверждение сообщённых вами сведений. На это понадобится время. Ошибки в таком деле не нужны ни мне, ни вам. Нельзя, чтобы преступники или пособники бандитов разгуливали по судну. Мы этого не допустим. В интересах следствия свобода передвижений будет ограничена. Вы сколько времени провели в этом помещении, три недели? Придётся посидеть ещё.

Народ застыл в изумлении.

— Поймите правильно, это не наказание, а вынужденная мера. — Глаза Колуна оставались строгими и холодными, но губы на миг снова искривила глумливая ухмылка. — Условия здесь вполне нормальные, друг к другу вы притёрлись, быт, мне говорили, налажен...

— Надеюсь, это просто неудачная шутка? — спросил Сикорский.

— Мы здесь не шутки шутить! — гаркнул кавторанг. — А для смутьянов есть карцер, он сейчас как раз пустует.

— Стоп, стоп, — вмешался старпом. — Бывают вещи похуже тюрьмы и карцера. Скажите, уважаемые законники, кто в эту минуту несёт на судне вахту? Кто обслуживает механизмы в машине? Мы находимся в море. В любой момент ухудшится погода, налетит шквал, судно сорвёт с якорей и потащит на камни. А если течь в корпусе? А пожар? Кто из вас отвечает за безопасность судна и людей?

— Хватит демагогии, — с укором сказал Пухло. — Здесь находятся опытные военные моряки.

— На нас возложена охрана, — пробурчал кавторанг. — За эксплуатацию и живучесть судна отвечает его команда.

— Вы что, раньше не могли договориться? — Ухалин, плохо понимая предмет спора, почувствовал, что его подставили. Он впервые в жизни ступил на палубу морского судна и сам всего здесь боялся. — Что вы предлагаете?

— Вахту на мостике может нести один человек, например капитан, условия стоянки это позволяют, — веско заявил кавторанг. — А в машине — старший механик.

— Капитан — на мостик, старший механик — в машину, быстро! Остальным находиться здесь и без особого распоряжения никуда не выходить. У дверей выставлена охрана.

— Это как, из тюрьмы в тюрьму? — возмущённо крикнул Бородин. — И сколько мы будем тут сидеть?

— Когда мне дадут возможность позвонить жене? — возопил Сикорский.

— Предоставьте нам связь! — закричали и другие. — Дайте хотя бы известить родных!

Их уже никто не слушал. Дверь захлопнулась, звучно щёлкнул исправленный накануне Иваном Егоровичем замок.

— Сволочи! Фашисты! Да вы хуже этих пиратов или как их там, — крикнул вслед Бородин и даже ударил в дверь ногой — больше для разрядки, конечно, чем в надежде что-либо изменить.

— Пойду отолюю, — сказал Грибач Жабину. — Засиделись, бляха-муха.

Тут уж, когда зажурчало за тонкой переборкой, каждый понял, что всё вернулось: запёртые двери, заваренные иллюминаторы, матрацы на палубе и параша в буфетной. Сменился режим, несколько видоизменились правила содержания (не стало вооружённой охраны внутри столовой), а результат тот же. Преодоление страха, восстание, сладость и жуть первых минут свободы — всё оказалось блефом. И хуже всего, что никому теперь не хотелось взламывать дверь, даже в голову не приходило, хотя и был уже успешный утренний опыт. То ли не было уверенности в своём праве, то ли просто не осталось сил на борьбу.

Светлана странной, одеревеневшей походкой подошла к старпому, судорожно ухватила его за рукав рубашки.

— Что всё это значит? — спросила она.

Акимов молчал.

— Получается, завелся предатель, — сказал Лайнер. После всего в бедной голове электромеханика осело только это. — Своими руками бы задушил гада! Сиди теперь из-за него. Интересно, что с ним сделают, когда поймают?

— Отравят полонием, на хрен, — мрачно пошутил Сикорский.

— И правильно сделают! А по-твоему, предателей надо прощать?..

— Что всё это значит? — ещё требовательнее повторила Светлана. — Ну же, проснись!

— Я не сплю, — сказал старпом.

— Ну да. Ты о нашей безопасности печёшься. Как бы не потонули да не загорелись... Ты правда думаешь, что ничего хуже этого не бывает?

— А что может быть хуже смерти? Пока живём, всё можно поправить. Из любой неприятности выбраться.

— Всё равно придём к Сталину, — сказал Лайнер.

— Нет уж, спасибо, — откликнулся Бородин. — Я предпочту батюшку-царя. Он бы этой сволочи ходу не дал.

— Нет, ты правда так думаешь?..

— Протекторат, — сказал Карапетян. — Передать власть временной администрации с каким-нибудь генералом во главе...

— Ага! Американским! — ехидно поддакнул Лайнер.

— Да уж не русским. Тогда будет порядок. Глядишь, и экономического чуда дождёмся.

— Чего им чуда ждать, когда только на нашем рейсе кто-то положит в карман несколько миллионов.

— Китайцы без генерала обошлись...

— Так то китайцы.

— Выходит, неудавшееся государство?..

— Нет, ты правда так думаешь?!..

Она говорила с ним как с мужем. По эту сторону черты, которую утром набралась храбрости переступить. Хотела защиты, утешения, готова была спорить и даже ссориться, но уже как с близким человеком, существующим для неё одной. Она верила, что в этом чужом глупом и страшном мире их двое. Всего двое. Целых двое.

— Думаешь? — повторил старпом, глядя куда-то мимо Светы. — Думаю... Что я думаю? Ерунда всё это, ребята. Протекторат у нас уже был, не далее как вчера. Понравилось? И царь был, и Сталин. Услышь вас сейчас Максим Валерьянович Ухалин, он остался бы очень доволен. Ведь вы друг другу не противоречите. А я думаю, что надо просто держаться всем вместе. Вы заметили, что всё в жизни, чего очень хочется, сбывается? Если не успели, убедитесь в этом после. Сбывается не всегда так, как мечталось, но это уже другой вопрос. Так с людьми, так должно быть и с народами. Народ, который веками взывает к справедливости, который создал совестливую культуру, не может не зажить когда-нибудь по-человечески, верно? Надо просто набраться терпения и приближать это время в меру своих сил.

Акимов едва заметил, как Света разжала пальцы, отступила, ушла куда-то в тень. Он пытался справиться со своим и общим отчаянием. Ему в тот проклятый вечер действительно показалось, что спастись можно, если стать заодно. Одолевала усталость, раскалывалась голова. Убеждал всех, думая, что говорит и для неё тоже.

— Чужие деньги, чужие интересы, чужая власть. С нами не считаются. И не будут, пока мы, во-первых, сами не начнём, а во-вторых — не заставим других с собой считаться. Власть хочет забыть про ящики, сделать вид, будто их не было. Но они нам слишком дорого обошлись. Не уступайте никому, ребята, уважайте себя и своё дело. Ведь перевозчик — это как толмач, это, может, самая

мировая работа. От нас зависит, что мы повезём по свету: дерьмо, заразу какую или добро. Если пойдём у этих на поводу, испугаемся, наша ложь во всех краях отзовётся. Иван Егорович, вы не побоялись первым раскрыть мне тайну груза, чтобы побережь Бугаева, — неужели вас теперь, после всего, угрозы остановят? Герман Витольдович, о вашей прямоте легенды ходят... Да никто из вас не подведёт. Мастер сдрейфил, на него оказывают сильнейшее давление, там ставки очень высоки, но он человек, он это доказал, мы и его вытащим! Михаил, ты спрашивал однажды, в чём правда. Да вот она! Говорить, что знаешь и чувствуешь, не называть чёрное белым. Проще простого. Если будем держаться вместе, не пропадём. В России главное дело — солидарность, в ней спасение. Страна-то всё равно наша. Некуда нам из неё бежать. Некуда и незачем.

Оказалось — говорил впустую, ни для кого.

Света лежала на диване ничком, обхватив голову руками. Акимов уже сделал к ней шаг, в его ушах мучительным укором звенело: «Нет, ты правда так думаешь?» — как вдруг она поднялась, растрёпанная нимфа со стеклянными глазами, стремительно прошла мимо, не замечая его, к двери, принялась колотить в неё что есть мочи ладонями и кричать:

— Выпустите меня отсюда! Мне душно! Я больше не могу, выпустите меня!..

Он не успел подойти, успокоить и удержать её — дверь отворилась, и Света пропала.

Глава одиннадцатая *Безумие*

Тогда ещё никто ни о чём не догадывался. И даже старпом не догадался, хотя Света стояла рядом с ним и повторяла эту свою фразу, которая преследовала его все последующие дни, и ведь именно он отметил, как странно она к нему подошла, и ещё многое, потому что любил её и видел то, чего другие не замечали... Другим, большинству, тогда было не до неё, конечно. Но вот Ухалин, человек внимательный, профессионально въедливый и вполне «въехавший» в ситуацию, так или иначе лично во всё заинтересованный, — ему-то грех было не вглядеться и не понять. А — не понял. Пользовался случаем и ничего не видел до самого конца.

В ту ночь моряки в столовой повалились кто куда. Легче было тем, у кого остались тут постели. Не сразу разобрались, где чья. Кто-то претендовал на чужую. Стычки из-за спальных мест возникали злобные, но вялые: как будто грызлись больные, смертельно раненные псы. На этикет и субординацию уже никто внимания не обращал. Жабин по праву сильного занял диван. Сикорский и Грибач прикорнули в креслах, как в самолёте. Нина Васильевна, за неимением матраца, сняла и подстелила кофточку на прежнем месте за обеденным столом. Лайнер, также успевший днём убрать всё своё, пытался уговорить вахтенного за дверь, чтобы тот разрешил ему подняться в каюту и принести постель назад; не получив вообще никакого ответа, смело объявил во всеуслышание, что «при старой власти порядка было больше», и привалился в углу к переборке. Стёпа соорудил себе подстилку из белого халата и буфетных полотенец. Карапетян раскатал постель, забытую капитаном. Сипенко, Ругинис, Бородин, Бугаев, Симкин и Акимов остались при своих матрасах. Всех сморило очень быстро — день выдался тяжёлый, а предыдущая ночь прошла практически без сна.

Среди ночи старпому было видение. Будто бы Света опять появилась в столовой и быстро проскользнула к постели Бугаева. Сбросила блузку, прилегла рядом с Мишей, обняла его. Тот недовольно ворчал и брыкался со сна, она смеялась. Говорила: «Ты просто устал, маленький, всё будет хорошо, вот увидишь». Спряталась с головой под его простыню. Бугаев от неожиданности и смущения как-то пискнул и замер. Потом опять началась возня, оба бурно дышали. Света старалась его растормошить, зашептала в ухо:

— А у меня над койкой висит... Висело. В общем, расписание по тревогам. Знаешь, что там написано?

Бугаев молчал, дышал странно, прерывисто, как будто всхлипывал.

— Я знаю, — довольно громко сказал лежавший по соседству Бородин. — «Раздевальщик № 2 выполняет инструкцию раздевальщика № 2». Я же сам это печатал.

— Дурак! — откликнулась Света. И вдруг залилась звонким смехом.

Акимов не смел шевельнуться, лежал как в параличе, на глаза навернулись слёзы. Он услышал рыдания Бугаева. У него у самого спазмы сдавили горло, так что было не вздохнуть, слёзы лились уже потоком, но ему казалось важным объяснить этому сопляку, что сделала для него прекрасная и великая в своей любви женщина, на что пошла ради него, и он собрал остатки дыхания и крикнул: «Она твоя жизнь!»...

Тут он вздрогнул от собственного крика и открыл глаза. Щеку стянуло, она была шершавой от подсохших слёз. У противоположной переборки сдавленно рыдал в подушку Бугаев. Светланы ни рядом с ним, ни вообще в столовой не было. Толстый Бородин переливчато храпел.

Видение было очевидно нелепым, Акимов от него сразу отмахнулся. Долго не мог уснуть, пытался представить, где теперь Света. Её, конечно, не могли просто так выпустить на свободу. Доложили Ухалину, тот распорядился привести её к нему. Скорее всего, он собирался лечь, был уже в пижаме, и — не переодеваться же из-за подследственной!

— Вы хотели сообщить мне что-то важное? — строго спросил, как только она вошла.

— Я очень устала, — сказала Света.

— Отдохните у меня в каюте. Я предоставлю вам койку, — сказал Ухалин с той самой дважды замеченной старпомом на его лице паскудной ухмылкой.

— Это ж не твоя каюта. Да и весь ты какой-то... Одно слово — колун.

— А ты, тварь, с кем спишь? Со старпомом и мальчишкой? Тебе известно, что они пойдут по уголовной статье?

— Неправда, я ни с кем... Но за что их?

— То-то же — «за что»! За то, что слишком много знают. За длинные языки. Что тебе рассказывал Бугаев про ящики в трюме? Колись, сука! Иначе загремишь как соучастница.

— Мне душно. Я могу выйти на палубу подышать?

— Нет.

— Тогда я хочу вернуться назад.

— Назад? К своим любовникам? Ну, дорогуша... Нет, больше тебе такого позволено не будет.

— Что же, сидеть здесь?

— Можешь сидеть, если не хочешь лежать со мной. Лично я пойду спать.

— И ты... не боишься?

— А чего мне бояться. Ты же пищеблок, чистая, проверенная со всех сторон. А если чего успела подхватить, стерва, так я же тебя и сгною!

Получалось в целом похоже, но слишком уж вульгарно. Каким бы дурным психологом ни был Ухалин, как профессионал, он должен был сразу почувствовать, что Света не робкого десятка и на испуг её не возьмешь. Чем больше хамить, тем сокрушительней будет отдача. Пожалуй, и в самом деле можно схлопотать чем-нибудь по голове, вазой или там пепельницей. Скорей уж было так.

— Я очень устала...

— Я тоже. Всю ночь летел из Москвы, потом машина, потом затолкали в вертолёт — и сразу очутился на корабле. Там тоже не дали передохнуть. Теперь вот здесь, у вас. Первый раз вижу океан. Так странно... Да вы садитесь, что ж стоять-то. Честно говоря, я боюсь моря. Как подумаешь, что под ногами бездна, а ты на какой-то хрупкой, неустойчивой посудине. Мы люди казённые, нас не спрашивают, когда посылают. Вы-то как стали морячкой, не страшно было начинать? Ну вот, совсем сомлели. Знаете что, занимайте-ка постель капитанскую. А я лягу здесь, в кабинете.

— Мне душно. Можно выйти на палубу?

— К сожалению, нет. Там вооружённые матросы, ночью им приказано открывать огонь. У них своё командование, они мне не подчиняются. Так жаль...

— Жаль — чего?

— Жаль, что мы встретились при таких грустных обстоятельствах. Мне бы очень хотелось постоять с вами на палубе, поглядеть на море. Когда я увидел вас в столовой, такую молодую и красивую, у меня просто сердце оборвалось, правда. Потому и выпустить вас сразу приказал. Вот служба! Ведь я знаю, что никто здесь ни в чём не виноват. А люди всё равно пойдут под суд. И мальчик-практикант, и старший помощник, который так красноречиво сегодня выступал... Пойдут лучшие, самые упрямые. Не дай бог, если это коснётся вас тоже.

— Отпустите меня. Я хочу к своим.

— К своим? К дюжине изголодавшихся мужиков? Но это же... неприлично!

Дальше у старпома начинало щипать в глазах, и он выключал фантазию. На большее у него не было сил. Может быть, она спросила: если я соглашусь лечь с вами, это облегчит их участь? Или: смогу ли я сразу вернуться назад, после того как...

Утром, ещё до завтрака, старпома вызвали на допрос. В кабинете капитанской каюты сидели за столом Ухалин и Пухло. Должно быть, Акимов скверно выглядел, потому что Пухло первым делом участливо спросил:

— Плохо спали?

— Могу только пожелать, чтобы вам самому никогда не пришлось спать в таких условиях, — ответил Акимов хмуро.

— Мы подумаем об улучшении условий содержания, — заверил Ухалин.

— Вчера вечером, полагаю не без вашего ведома, столовую покинула повар Юнаева, — сказал Акимов. — Что с ней, где она сейчас?

— Вот так, с места в карьер, — улыбнулся Пухло, переглядываясь со следователем. — Нам говорили, что вы человек решительный. О вашей Светлане разговор впереди, сначала давайте о другом. Надеюсь, мы найдём общий язык. Кстати, Тимофей Петрович Лихонос просил передать вам самый дружеский привет. Он характеризовал мне вас как человека в высшей степени порядочного.

— Напрасно вы о нём упомянули, — сказал Акимов. — Это не упростит мои с вами отношения.

— А их не нужно упрощать! Мы знаем и помним всё. Именно поэтому на вашем месте я бы не стал пренебрегать дружеским участием такого...

— На моём месте? Вы сначала со своим разберитесь. Владелец судна в Хельсинки, флаг мальтийский, груз — древесные отходы... Вам-то здесь что за интерес?

— На этом судне граждане России.

— И только? И поэтому вы нас заперли в душном тесном хлеву, как скотину? А на берегу эти самые граждане мрут как мухи от нищеты, бездомности и пьянства, никто и пальцем не пошевелит!

— Владимир Алексеевич, — вступил Ухалин, знаком останавливая готового разразиться возмущённой тирадой Пухло. — Оставим в стороне политику, мы не в силах на неё повлиять. У нас к вам несколько простых вопросов. Скажите, вы были на мостике вчера утром во время ответа капитана на вызов корабля по радиотелефону?

— Был.

— Вас не удивило, что капитан умышленно вводит в заблуждение российский военный корабль, выдавая своё судно за другое? Почему вы не попытались его остановить?

— Это... долгий разговор. Его надо начинать с начала.

— Следует ли понимать ваш ответ так, что между вами и капитаном существовал по этому факту предварительный сговор?..

Допрос тянулся долго. До Светланы дело так и не дошло, а разговор закончился на таких тонах, что ещё раз спрашивать про неё не имело смысла. Отпустили Акимова без конвоя. Просто сказали: «Можете возвращаться в столовую». Света не выходила у него из головы, и он воспользовался случаем — нырнул па-

любой ниже (благо вахтенный в холле возле столовой стоял к трапу спиной), туда, где располагалась её каюта. Перед дверью замер и перевёл дыхание, волнуясь как мальчишка. Тихо постучал. Никто не откликнулся. Взялся за ручку — дверь подалась. Он оказался здесь впервые. Небольшая каюта была чисто прибрана и вся пропитана знакомыми, почти родными ароматами. На свежей постели лежал сложенный пододеяльник. Было очевидно, что со вчерашнего утра, с тех пор как Света застелила для него — для них двоих, — никто к койке не притронулся. Он машинально кинул взгляд на переборку, где висело в рамке расписание по тревогам, и невольно вздрогнул: перед ним, как перед Валтасаром, сразу вспыхнули слова: «Раздевальщик № 2 выполняет инструкцию раздевальщика № 2».

Одно из двух: или он сошёл с ума, или то, что было ночью, ему не приснилось. А всё, что он присочинял после, — оно тоже было явью? Но тогда он точно сошёл с ума! Где она провела эту ночь? Где она сейчас, жива ли?..

В столовой, куда его запустил вахтенный, отворив дверь ключом, уже заканчивали завтракать. Дверь на камбуз была распахнута, там гремела посуда. Старпом торопливо прошёл внутрь, огибая неубранные постели на палубе, минув буфетную, безотчётно повинувшись последней надежде, — и обомлел: Света, в клеёнчатом фартуке и косынке, с засученными рукавами халата, разрубала топором мороженую свиную тушу. От радости Акимов даже вскрикнул, устремился к ней, успел сделать два или три шага...

— Куда! — страшным, грубым голосом закричала она, взмахивая топором. — Здесь нельзя находиться! Пошёл отсюда, на хер!..

За спиной Акимова загоготали. Он оглянулся: в дверях толпились Жабин, Симкин, Грибач, подальше выглядывали головы Бородин, Сипенко...

— Видали, как наша Светка изменилась? — сказал с недоумённой улыбочкой Бородин. — Она не первого вас отшивает. Пока пили чай, почти всем досталось. Мишку Бугаева тряпкой по мордасам...

Старпом растерянно опустился на кресло возле обеденного стола.

— Слушай, — сказал тихо Бородину, притягивая его за руку поближе. — Эти слова правда ты печатал?

— Какие слова?

— Ну, насчёт раздевальщика № 2?

— А... Конечно. Так инструкция по химзащите составлена. Бредятина! Что всё-таки со Светкой стряслось, а?

— Что-что, — пробормотал Симкин, сидя напротив. — Начальство сменилось! Теперь она Колунова подстилка.

— Ты что несёшь! — возмутился Акимов.

— Вахтенные матросы видели, можете сами у них спросить. Она в пять утра из капитанской каюты выскочила.

Старпом думал.

— Но ведь она была ночью здесь?

— Заходила, — нехотя подтвердил Бородин, глядя в сторону. — Оторвалась напоследок. Да, видать, не так, как ей хотелось. Теперь мстит кому-то. Господи, несчастные бабы!..

После завтрака вызывали по очереди многих. Ругинис вернулся с допроса красный и разгневанный. Иван Егорович — очень задумчивый. Оба ничего не рассказывали. Только часы спустя Сипенко обмолвился Акимову, что доски из первого трюма придётся силами команды перегружать на баржу, «как вы им посоветовали». Что за баржа, когда её подгонят, он и сам толком не разобрался. Грибач пробыл наверху долго, появился, пританцовывая и насвистывая что-то популярное. Так совпало, что после этого в столовую заглянул Равиль Ахметович и добродушно спросил:

— Почему телевизор не смотрите? Не работает? Надо было давно об этом сказать!

И в самом деле, через пару часов военные спецы наладили приём, и добрая половина команды уселась перед экраном. Сигнал был слабый, кадры какого-то низкопробного блокбастера на чужом языке постоянно перебивались столь же

непонятной рекламой, но глазели не отрываясь: люди изголодались по развлечениям. Тогда же заодно позволили сходить за постелями тем, у кого их не было.

Бугаеву (об этом стало известно много позже со слов капитана, который присутствовал при допросе) зачитывали выдержки из его дневника, подобранного в Ла-Манше. Миша попросил вернуть ему тетрадку, но ему сказали, что у них только копии страниц, а оригинал находится в Москве и приобщён к материалам следствия. Спрашивали, почему он критически настроен по отношению к государству и не доверяет законной власти. Не следует ли в этом чьим-то подсказкам и наущениям? Он отвечал невпопад: говорил, что считает унижением для человека разумного быть всего лишь перевозчиком и просто ошибся с выбором профессии. А кем бы он хотел стать теперь? Теперь — никем. Пухло выразил по этому поводу сожаление, сказав, что молодые люди должны всё-таки к чему-то стремиться и работать на благо своей родины. В конце концов, каждый обязан наращивать и своё личное благосостояние, делать карьеру, только так создаются условия для свободы и процветания всей страны. Может быть, он, по примеру некоторых смутьянов, считает несправедливостью и злом чьё-то богатство?

— Нет, он у нас либерал, но уважает только иностранных олигархов, — зачем-то пошутил капитан.

— Конечно! — серьёзно ответил Бугаев. — У них богатый — это богатый: он управляет хозяйством, думает, что-то создаёт. А у нас кто подлее, тот и стал богаче. Помните, у Достоевского в одном романе описан такой конкурс: кто кого переплюнет в подлости?..

— Именно поэтому вы продаёте интересы своей страны первому попавшему иностранцу? — спросил Ухалин.

— Я никому не продавал ничьи интересы. Мне просто хотелось жить по закону, — тихо сказал Миша.

— Но правильные законы, если вас послушать, только на Западе. Вы хотите жить там?

— Сейчас я уже нигде не хочу жить.

Когда стали интересоваться его отношениями со старшим помощником и поваром Юнаевой, Бугаев замолчал вовсе, чем только подогрел интерес.

Во всяком случае, в дальнейшем вопросы об Акимове, Бугаеве и Юнаевой и связях между ними задавали практически всем, что можно было заключить хотя бы из откровенных признаний Жабина Грибачу.

— Спросили, чего крысятник позавчера на студента взелся, — громко рассказывал Жабин в столовой после допроса.

— А ты?

— Ха! Сказал как есть. Что студенту отсосали, а ему не дают.

— Ну и тупак! Крысятник же пидор, ему только студент и нужен. Он нарочно их свёл, чтобы втроём трахаться.

Светлана в столовой не появлялась, готовила на камбузе за закрытой дверью, а после работы сразу исчезала. Чай, обед и ужин для команды накрывал Стёпа. Для заключённых «рыболовов» варили отдельный котёл каши, рассчитанный на целый день. Нину Васильевну вызывали прислуживать начальству в кают-компании, где питались также капитан и стармех, оставлявшие на это время свою вахту. Туда неизменно подавался охлаждённый графин, столь удачно пришедший на ум Красносёлову, но этим, судя по всему, дело уже не ограничивалось. К вечеру вся комиссия была изрядно навеселе. Тем временем старшины и старослужащие, пользуясь попустительством командования, потихоньку растаскивали спиртное из судового артелки (замки на ней взломали ещё «рыболовы»), лакали в туалетах сами и благосклонно делились с новобранцами.

Старпома в очередной раз вызвали как раз под вечер, после ужина. Обстановка была непринуждённой. Ухалин, правда, сидел за рабочим столом с бумагами, но в стороне за журнальным столиком Пухло и кавторанг постоянно подливали в бокалы себе и находившемуся тут же Красносёлову. Акимов понял, что они нащупали слабинку мастера и делают его совсем ручным.

— Кругом вода, посередине закон. Отгадайте, что это? — загадывал всем Пухло.

Ухалин с кривой ухмылочкой пожимал плечами.

— Следователь-важняк ведет дознание посреди океана! — провозглашал Пухло под общий хохот.

— Нет, мне нравится про лоцмана, — говорил сильно поднабравшийся Красносёлов. — Принесли ему в рубку, как положено, рюмочку и закусить, он и командует рулевому: «Десять лево!.. Десять право!.. Огурец!»...

— А вы садитесь, — сказал Ухалин Акимову. — Постарайтесь вспомнить во всех подробностях, что происходило в ночь захвата судна.

— Всё случилось на вахте второго помощника. Я заступал с четырёх часов, но меня забыли разбудить, из-за общей суматохи, наверное. Проснулся сам и поднялся на мостик где-то в пять минут пятого. Посторонние уже были на борту.

— Я хотел подать сигнал, — сказал капитан пьяным голосом. — А он говорит: поздно.

— Всё не так, — возразил Акимов. — Наоборот, именно я до последнего момента настаивал на сигналах тревоги. Захватчики на время покинули рубку, спустились вниз, и такая возможность у нас ещё была. Но вскоре кто-то увидел на палубе возле первого трюма практиканта Бугаева...

— Кто увидел?

— Кажется, третий механик Сикорский.

— Что делал механик на мостике во время вашей вахты?

— Не знаю. Возможно, он заметил на судне чужих людей и пришёл узнать, в чём дело.

— Такие у вас порядки? Ну ладно. Вы все заметили Бугаева, и что дальше?

— И капитан сказал, что уже поздно.

— Почему же он так решил? Бугаев что-то предпринимал, вступал в контакт с захватчиками?

Акимов надолго задумался. Потом сказал, словно очнувшись:

— Капитан здесь, вы можете спросить у него. Я не умею читать чужие мысли.

— А этого от вас не требуют. Я спрашиваю о Бугаеве. Как он себя вёл?

— Хорошо вёл. Очень усердный, толковый практикант.

— Что он делал в такое время на палубе?

— Кто ж его знает. Может, не спалось, подышать вышел.

— Подышать в шторм, среди ночи, к дальнему трюму?!

— Ну да. Матрос Жабин, например, рассказывал, что возле первого трюма особенно легко дышалось, воздух там был какой-то ионизированный. Аж искры летели.

— Жабин тоже распускал слухи?

— Конечно. И Ругинис, и Сипенко, и Чернец. А я больше всех. Потому что мы это видели своими глазами.

— Что — это? Искры?

— Нет, не искры. Плохо закрепленные тяжеловесы, на которые нам пришлось в море ставить оттяжки. Те оттяжки до сих пор на рымах вдоль бортов висят, могу показать. Каждый талреп собственноручно затягивал.

— Матросам не доверяли?

— Жалел их. Бугаева мы вообще к трюму не подпустили, он в него даже не заглядывал.

— Зато хорошо поработал там ночью. В трюме нашли фонарь с его отпечатками.

— Ерунда! Это я потерял фонарь, когда ходил вечером проверять крепления. А Бугаев по моей просьбе бегал за ним на мостик, вот и захватал пальцами. Кстати, я потерял там ещё кое-что, впишите это в протокол. Дорогая авторучка, подарок. Если найдёте на дне трюма, не забудьте, пожалуйста, вернуть её мне.

— Непременно. А вы не вспомните, при каких именно обстоятельствах был потерян фонарь? Дело в том, что он оказался не просто в трюме, он попал в одну дырочку...

— Дырочку?..

— Ладно, вижу, что вы не в курсе. Итак, вы не видели, как Бугаев вступил в разговор с посторонними и что-то показывал им в трюме?

— Конечно, нет! А что он мог им показать, кучу ломаных досок? Николай Николаевич, скажите хоть вы: что мог Бугаев показывать в пустом трюме?

— Ни-че-го! — Мастер глядел на Акимова с шальным восторгом, готовый, кажется, вскочить и облобызать его.

— Послушайте, — сказал Ухалин, начиная выходить из себя. — Бугаеву светит немалый срок за измену родине. Если вы намеренно его покрываете...

— Родине? Так это родина, значит, тайно положила нам в трюм ракеты, чтобы потом их тайно же выкрасть? Или никаких ракет не было, только буровые установки? А они куда делись? Вы всё-таки думайте, что говорите, а то ведь протоколы останутся, новый пожар придётся устраивать.

— Ну хорошо. Пособничество пиратам годится? За это тоже дадут немало.

— Да неужели вы надеетесь, что вам позволят замять эту историю? Что все эти бывалые мужики наложат в штаны и подпишут что угодно — Ругинис, Сипенко, Чернец...

— Чернца больше нет.

— То есть как — нет?

— Так. Он скончался в корабельном лазарете.

Акимов потемнел лицом, какое-то время с недоверием глядел на Ухалина. Затем сник.

— Значит, убили, — вырвалось у него.

— Убили — это точно. Мы должны выяснить, по чьей вине это произошло. Постарайтесь вспомнить, при каких обстоятельствах он получил смертельные ранения. Кто послал его на верхний мостик к сигнальному фонарю?..

Ухалин нёс что-то о преступной халатности, превышении служебных полномочий, о том, что в обязанность старшего помощника входило обеспечить безопасность. Как будто речь шла о какой-нибудь покраске релингов на мачте и Чернец просто не захватил с собой страховочный пояс, а старпом не проследил. Формулировки дошли до «преступного приказа». Капитан к тому времени совсем уморился, клевал носом в углу дивана. Акимов был как в ступоре, на сгущающиеся угрозы не реагировал, и его наконец отпустили.

Если бы он не был пришиблен известием о смерти Чернца и мог тогда вдуматься в их методы, рационально вникнуть в схему, по которой вёлся допрос, представить на своём месте других — тех же Сипенко с Ругинисом, а также Бородину, Сикорского, Пильчука, Симкина, Карапетяна, не говоря уже о Лайнере, Жабине, Портянкиной, Стёпе, на которых и давить-то не было нужды, не говоря о Грибаче, — если бы представил их беседы с Ухалиным и Пухло, у него не было бы особых иллюзий. Ведь вполне очевидно, что инструменты в каждом случае использовались одни и те же, разве что с поправкой на умственные способности и психику подследственного. Каждому вменялась какая-то вина; и чем дольше человек упорствовал, тем больше всплывало отягчающих обстоятельств. А если добавить к этому неопределённость статуса, отсутствие документов, тюремную пытку, полную изоляцию от внешнего мира, запрет всяких контактов с близкими и родственниками, теперь ещё громко молотящий с утра до вечера в камере телевизор и, главное, полную неизвестность, когда и чем всё это может закончиться, — не должно было остаться никаких надежд. А он всё надеялся.

Обитатели столовой стали замкнутыми и сосредоточенными. После вызова на допрос (а иные за пару дней успели побывать в капитанской каюте не по одному разу) каждый хранил про себя какую-то тайну. Кто-то, как Грибач с Жабинным, целенаправленно доносили и присочиняли небылицы — один для потехи, другой по дурости и злобе. Кто-то, сам того не желая, иногда всего лишь пытаюсь выкрутиться из ухалинской ловушки, наговаривал на собрата по несчастью или просто нечаянно выбалтывал лишнее, а после мучился этим и тоже озлоблялся. Так попал впросак словоохотливый Александр Васильевич: расписывая ужасы первого, ещё «пиратского» застенка, поведал попутно о суровой дисци-

плине, установленной в камере самочинными лидерами, о взаимных угрозах и рукоприкладстве. «Я что-то не пойму, кто представлял для экипажа большую опасность, Киржак или Ругинис?» — съязвил на это Ухалин. Но большинство, конечно, сосредоточивалось прежде всего на себе, собственной уязвимости, путях личного спасения и недвусмысленно поставленном перед ними выборе.

— Алексей, под тебя всё копают, — признался как-то Акимову Сипенко, улучив минуту наедине. — И тут, мол, виноват, и там недоглядел... Да ведь ты им не нужен, им твоё молчание нужно! Отпусти ты их с богом на все четыре стороны. Кто теперь знает, были эти яшшкы, не были...

— Да ведь стыдно, Иван Егорович!

— Ишо бы не стыдно. Ты осадку видел? Нос против прежнего чуть не на полметра подскочил. И смех и грех... Внучку хочется повидать.

Ругинис не делился своими тяготами ни с кем, но по тому, как с каждым допросом всё ярче вспыхивали его синие глаза на пылавшем лице, можно было догадаться, что напряжение только нарастает.

Тяжелее всего на допросах, конечно, приходилось Бугаеву. Старпом старался не упускать его из вида, пробовал заговаривать. Юноша был больше обычного скован и задумчив, не дерзил, но и не раскрывался, и общение ограничивалось, как правило, парой фраз да традиционным напутствием:

— Не робей. Правда на нашей стороне!

Остальным было полегче. Ни флегматичный третий штурман, ни механики, ни моторист никогда не проявляли (по крайней мере, прилюдно) своего интереса к таинственному грузу на борту, не имели к нему отношения по службе, не высказывали версий и не передавали слухов, а потому каждый из них мог, как выразился по этому поводу Симкин, «прикинуться шлангом»: ничего не знаю и знать не хочу. У них как бы не было причин терзаться угрызениями — ни перед другими, ни даже перед самими собой. Однако и Бородин, и Карапетян, и даже Сикорский выглядели после допросов несчастными. Жабина выручали глупость и злопамятность: предмет, изначально бередивший его фантазию, возбуждавший недоверие к старпому и всей «системе», как-то быстро выпал из сферы его интересов, остались только личная неприязнь — в первую очередь к Акимову, но также и Бугаеву, и (по принципу близости к ним, наверное) Светлане, и даже покойному Чернецу — и желание всем им напакоstitь. Что касается Лайнера, Портянкиной и Стёпы, те и вовсе были чисты как младенцы. Чтобы разобраться с ними, Ухалину хватило нескольких минут. Для любой власти такие люди просто благодать, а вот для правдолюбов могут представлять опасность.

На третий день «второй ходки» (блатной отсчёт слетел с гибкого языка Сикорского: «первая ходка», «вторая ходка») утром, незадолго до прихода корабельного катера, командир вахтенного наряда вызвал из столовой Грибача, и больше его никто не видел. Несколько часов спустя с палубы корабля поднялся вертолёт и взял курс к земле. После судачили, что сановный отец Вали похлопотал за сыночка перед большими чинами в Москве и даже добился отправки за ним на остров Боатранто чартерного самолёта. Впрочем, обсуждался и другой вариант — будто бы родина прислала большегрузный военный транспорт, и не один, а целых два, и Грибача они забрали попутно, в придачу к кое-какому более ценному грузу. Так или иначе, в камере-столовой о втором штурмане никто не пожалел, а многие так и вовсе вздохнули с облегчением.

В тот день к вечеру Бугаев неожиданно сам вызвал старпома на разговор.

— Мне говорили, что вы меня выгораживаете, берёте всю вину на себя...

— Кто хоть говорил-то?

— Не важно.

— Это не совсем так. Никакую вину я на себя не беру, потому что ни ты, ни я ни в чём не виноваты.

— Виноваты. Хотя бы тем, что приноровились к своему положению и позволяем ему длиться.

— Вон ты о чём... Человек есть не только и не столько то, что он есть, сколько то, чем может быть. И если он до конца помнит, чем может и должен быть,

значит, он такой и есть. И никакая грязь к нему не пристанет. Ты ненавидишь своё сегодняшнее положение, живёшь надеждами, но пройдёт время, и ты, может, с завистью вспомнишь, каким был на этом судне — молодым, отважным, счастливым...

— Какие могут быть надежды. Вы были правы, когда обещали мне, что в этом рейсе я многое пойму. Весь мир поражён раком. Я много читал про эту болезнь, когда умирал отец. Идет инфильтрация, начинаются метастазы. Одна большая опухоль. С таким организмом уже нечего делать, кроме как травить и травить его химией, не думая о том, что останется. Останется что-то — ладно. Но ведь отдельные органы без целого не живут, разве что в специальных лабораториях? Зачем тогда нужно продлевать агонию...

— Это не нам решать. Мы с тобой говорим, а в это время тысячи и тысячи вокруг нас страдают и умирают. Иногда совсем рядом, самые близкие. И всё равно приходится есть, спать, умываться, чистить зубы... Так надо. После смерти близкого не остаётся ничего, кроме памяти о нём, и чем дольше ты сам проживёшь, тем длиннее будет память. То же и здесь: если чувствуешь, что мир несовершенен, живи как можно дольше, чтобы он становился благодаря твоему сопротивлению хоть немного лучше. Смерть не лечит; поправиться может только живой. Другое дело, если...

— Что — если?

— Если сам плох. Если нет уже сил нести груз собственной вины. Но к тебе это не относится.

Сколько раз впоследствии будет Акимов вспоминать и перебирать по фразам этот разговор! Как будет проклинать свой неловкий язык. И совсем не потому, что развязка именно этого дела позволила наконец ухалинским шупальцам окончательно захватить его и опутать, — это-то как раз он примет покорно, как справедливое возмездие судьбы, несмотря на всю дикость и абсурдность предъявленных обвинений, — нет, снова будет терзать, как и в истории со Светланой, запоздалое прозрение: ведь всё было так очевидно! Хватило бы, кажется, элементарного рефлекса, чтобы предотвратить или хотя бы отдалить несчастье, — просто протянуть руку и удержать, на что бывают способны самые легкомысленные существа, и в чём он, «тормоз по жизни», на свою и окружающих беду, всегда катастрофически запаздывал. Да и говорить надо было совсем о другом. А — о чём? Снова о том, что нет ничего дороже жизни? Что всё пройдёт, надо только потерпеть? Что следует положиться на старших товарищей, более разумных и ответственных, которые видят дальше, лучше владеют ситуацией, оценивают её с разных сторон и потому выжидают, понимая, что поспешными и непродуманными, на одном протесте замешенными действиями можно только умножить несчастье, — как это и на самом деле случилось с Бугаевым, по наивности принявшим налётчиков за представителей закона?.. Если в этом и есть правда, очень уж она мелкая и безнадёжная. Подобные поучения сам Акимов слышал в течение жизни множество раз, а сейчас ему вполне могли бы то же самое сказать «более умудрённые» Тимоша Лихонос или даже Пухло, с точки зрения которых старпом ведёт себя по-мальчишески. Да и Бугаев сразу распознал бы пошлость, он не из тех юнцов, что, морщась, допивают в галюнах портвейн за старослужащими, только чтобы быть похожими на них, чтобы стать такими же, чтобы не «отстать»...

Ещё через пару дней на буксире пригнали (должно быть, из ближайшей гавани) убогую баржу, какую-то мусоровозку, пришвартовали к правому борту судна. Вызвали на очистку первого трюма от древесного хлама палубную команду: Ругиниса, Сипенко, Жабина, Бугаева. Акимов вызвался было поучаствовать — с ним и разговаривать не стали.

Обедать никого с палубы не привели. Слышно было, что выгрузка идёт: изредка раздавались слабые удары по корпусу судна вздёнутых краном связок горбыля. Старпом про себя рассчитывал: Ругинис работает на кране, трое внизу (это если придурочный Жабин снова не заартачился и не отказался лезть в трюм — но какие у него теперь, собственно, могут быть отговорки, если он

официально показал, что никаких ящиков в помине не было?). Груда беспорядочно вздыбленного горбыля на троих. Тяжёлые доски надо разобрать, уложить рядами, подвести под каждый подъём стропы. До ужина работы хватит. А ещё зачистка, мести и поднимать наверх бадьями отлетевшую кору, щепки, пыль...

— Ты подождала бы уходить-то, скоро наши вернутся, покормишь, — сказал Акимов Свете, закрывавшей вечером после ужина камбуз.

— Я что, в служанки вам нанималась? — огрызнулась та.

Она была на особом положении, приходила только в рабочие часы, общалась с членами команды неохотно и всегда нарочито грубо, свободно покидала столовую — вахтенный открывал ей дверь по первому требованию. Даже выговаривала вахте, когда та мешкала. Все к этому уже притерпелись, кроме, пожалуй, ревнивой Нины Васильевны, не пользовавшейся, в отличие от Светы, никакими привилегиями, да старпома, который переживал такую боль, горечь и пустоту, словно изнутри по нему прошёлся огонь.

Первыми появились, все в древесной трухе, Сипенко и Жабин. Иван Егорович тяжело утирался рукавом. Жабин стащил с себя мокрую рубаху, спросил:

— Пожрать-то нам оставили?

Никто ему не ответил. Через время старпом поинтересовался:

— Где остальные?

— Должны бы прийти, — ответил Сипенко. — Трюм закрыть осталось да кран положить... Да вот они.

Приоткрылась дверь. В неё медленно и как-то боком, стыдливо прикрывая одной рукой лицо, а второй держась за живот, протиснулся Ругинис. Огляделся — и сразу на свой тюфяк, прямо в робе и сапогах. Судорожно потянул на голову край простыни.

— Гера, ты что? — спросил Бородин с тревогой. — Ты бы разделся! И это... Чаю сейчас согреем, а?

Подошёл, сдёрнул с Ругиниса простыню, отвёл от лица его дрожавшую руку.

— Эк тебя отделили! Кто же это?

Заинтересовались и другие, приблизились. Даже Лайнер оторвался от телевизора, глянул на боцмана, ахнул и побежал в буфетную за примочками — он теперь чувствовал себя почти штатным лекарем.

— Это... Это я сам, — неуверенно пробормотал Ругинис. — Упал с крана. Запнулся в кабине — и вниз головой на палубу...

— Что ж ты неловкий какой! Холод приложи. Завтра красивый будешь, — сказал Бородин. — А с животом что? По печени били?

— Нет, нет... Совсем не то.

— Герман, Бугаев был с вами? — спросил старпом. — Где он?

— Не было. При чём тут Бугаев! Со мной у них особые дела... Ерунда. Завтра поправлюсь.

— Пожрать, говорю, дадут? — в очередной раз возопил Жабин в пространство, не обращая внимания на переполох и слоняясь из угла в угол. Пнул сапогом дверь, крикнул: — Эй, там, позовите сюда эту поглядушку, пусть кормит нас!

— Куда делся Бугаев, Герман? — повторил вопрос старпом.

— Сюда пошёл. Его одного отправили, я сам видел, как он в надстройку заходил... А что, разве нет? Нет его? Это не то, не то! Тут что-то другое!

Жабин продолжал настаивать, вступил через дверь в переговоры с вахтой. Минут через десять явилась Юнаева, заспанная и сердитая. Накинулась на Нину Васильевну:

— Ты что, не могла им навалить? Вон котёл с макаронами, специально выставила!

— Света! — тихо позвал старпом, подойдя совсем близко. — Миша Бугаев пропал.

Он впервые с изумлением заметил, какая чистая и до болезненности тонкая у неё кожа, даже на щеках проступали голубые жилки.

Света на секунду обмерла, жилки нарисовались ярче, запульсировали на висках.

— Да ладно заливать-то! — сказала, собравшись с духом. — Он в моей постельке поживает. Хочешь, покажу? Пошли, пошли! Твоё место теперь занято, дружок.

Она схватила его за руку, почти насильно вывела из столовой и потащила через холл к трапу. Вахтенный не препятствовал. Вслед неслись отчаянные ругательства Жабина.

Акимов снова попал в её каюту. На койке девственно чистая простыня с острыми складочками после уюга, взбитая подушка, конвертиком сложенный в ногах пододеяльник. Всё точь-в-точь так, как предстало ему ещё четыре дня назад. Только на голом узком дерматиновом диване возле иллюминатора появилось смятое одеяло. Видимо, Света им укрывалась, когда ложилась тут, почему-то не решаясь потревожить собственную постель.

— Но его же здесь нет! — сказал Акимов растерянно.

— Как — нет? Ну почему ты говоришь — нет?! — закричала она что есть мочи. — Почему всегда — нет?!!

Из глаз её вдруг брызнули слёзы. Она стиснула кулачки и впиалась в них зубами, унимая рвавшийся изнутри вопль. Он испугался, схватил её за плечи, встряхнул — и только тут, вглядываясь в ее опустевшие, утратившие блеск глаза, впервые осознал страшную природу её нового существования.

— Ты иди, иди, — хрипло сказала она через минуту, утерев слёзы и немного придя в себя. — Объявится твой Бугаев. Ты же всё сделал, чтобы его выручить. Найдётся!

Глава двенадцатая Заговорщики

Бугаев не объявился.

Акимов до последнего был уверен, что его исчезновение — дело рук ухалинской клики. Возражения Ругиниса старпома не убедили: этот стойкий и упрямый человек пасовал перед грубым физическим насилием, оно лишало его всякой воли к сопротивлению. То, что его «пугнули» именно таким образом (Герман никогда никому не рассказывал подробности своей стычки с военными моряками на ночной палубе, настойчиво отрицал сам факт избиения, но что бы ни послужило поводом — провокация, словесная перепалка или прямое нападение, кто бы ни начал драку, её спланированность была очевидной), говорило об изрядной психологической проницательности следователей. Тот же страх мог помешать Ругинису открыть правду о Бугаеве. Хотя, с другой стороны, к чему им «массовки», зачем нужны лишние свидетели подобных расправ, — если они, конечно, не собирались убить обоих? А судя по тому, что Ругинис беспрепятственно добрался до столовой, они этого не замыслили.

От Светы старпом, пользуясь нечаянной свободой, сразу поднялся на мостик. Капитан лежал в штурманской рубке на своём уже привычном месте, читал книжку.

— А, это ты? — сказал, почти не удивившись. — Я с ними больше не могу. Пьют как лошади, вылакали все наши запасы. А татарин этот, Равиль, сколько бы ни глушил — всегда трезвый. Вот школа! Они тут как на курорте...

— Бугаев исчез, — сказал старпом. — Играйте тревогу.

— Ты что, смеёшься? Как я могу без указаний? Если бы ещё пожар... Какую тревогу?

— «Человек за бортом!» Да всё равно какую, искать человека надо! Боцмана на палубе измолотили, а этот вовсе пропал!

— Ну, брат, если уж... Если это они, так чего искать.

Скоро стало ясно, что — не они. Капитан всё-таки позвонил Ухалину (в свою бывшую каюту), сославшись на беспокойство старпома, и спросил совета. Переполох там возник такой, что они даже не догадались затребовать паникёров к себе. На мостик тотчас один за другим явились сам важняк, его рыжий помощник, Пухло и кавторанг.

Хмура выслушали короткое сообщение Акимова.

— Почему вы до сих пор не ввели переклички подследственных, как я вам наказывал? — визгливым голосом принялся выговаривать Ухалин кавторангу. — Почему Бугаева отпустили с палубы без сопровождения?

— Там были, вы же знаете, обстоятельства, — оправдывался подвыпивший офицер.

— Придержите язык за зубами! Что Бугаев может сделать с кораблём? Я вас спрашиваю: что можно сделать с кораблём одному человеку? Потопить, взорвать?

— С кораблём? Ничего не может, он туда не попадёт. Или вы имеете в виду, с судном?

— Да чёрт бы вас всех побрал с вашими морскими выкрутасами! Неужели не понятно, о чём спрашиваю!

— Взорвать — это вряд ли. Тут нет взрывчатки. Самое большое — попортировать оборудование или что-нибудь поджечь...

— Запускайте все противопожарные средства!

— Что?!..

— Делайте что-нибудь! Ищите!

Кавторанг, устав препираться, кивнул Красносёлову, тот включил звонок громкого боя.

Появившимся каплею и дежурному мичману было приказано проверить по списку наличие людей в столовой, усилить охрану, никого не выпускать и начать силами военных моряков немедленный досмотр судна.

Пухло был озабочен по-своему. Он отозвал Акимова в сторону, сказал:

— Это хорошо, что вы первый забили тревогу. Кстати, всё забываю вас поблагодарить за подсказку насчёт мусора в первом трюме. Вы были правы, нечего эту дрянь с собой возить. Завтра с корабля придёт специальная команда, отмоём всё как следует, и можно жить спокойно. Если у нас с вами дальше так пойдёт, мы поладим. Скажите, у вас был накануне какой-нибудь разговор с этим... Ну... Как его?

— С Бугаевым?

— Да-да, вот с этим Бугаевым. Может быть, он делился с вами планами?..

— Да нет, какие планы... — Старпом смешался: его впервые поразила мысль о возможной связи Мишиного исчезновения с содержанием их последней беседы.

— Подумайте хорошенько! Я вижу, вы сами не вполне уверены. А другой, с которым он теперь общается... Ну, как же его... Он был при вашей беседе?

Акимов попытался было понять, о ком речь, но наконец раскусил с запозданием нехитрую уловку.

— Чего вы боитесь? — с омерзением спросил он. — Что Бугаев покончит с собой?

— Заметьте, это сказали вы, — промолвил Равиль Ахметович, испытующе глядя прямо в глаза старпому. — Но ещё хуже, если Бугаев живым попадёт в руки недобросовестных людей и те используют его фантазии во враждебных нам целях.

За ночь все помещения судна обследовали не по одному разу. Акимову разрешили участвовать в поисках; позднее по его настоянию подключили к ним Сипенко, Карапетяна, Лайнера и Сикорского, хорошо знающих каждый свои «шхеры». Впрочем, старпом уже тогда чувствовал, что это напрасный труд, что было бы действительно разумнее объявить тревогу «человек за бортом», осветить поверхность моря прожекторами, спустить катер, — ведь бывает, что самоубийцы, даже приняв твёрдое решение, подолгу медлят, да и нелегко для умеющего плавать человека с первой попытки пойти на дно... Моряки вместе с военными осмотрели надстройку, помещения под полубаком и в кормовой тамбучине, трюмы, машинное отделение, заглянули в спасательные шлюпки, в кабины кранов, даже в тоннель гребного вала. Начальство допрашивало своих матросов и старшину, находившихся во время пропажи Бугаева возле первого трюма, — по понятным причинам, строго конфиденциально. Акимов, чтобы

восстановить для себя картину в подробностях, ещё раз поговорил с несчастным Ругинисом. По словам того, получалось, что он разглядел издали, как Бугаев поднялся по трапу на палубу юта и вошёл в надстройку. Дверь вела в холл, где дежурил вооружённый вахтенный, который должен был сразу препроводить подследственного в столовую. Вахтенный уверял, что не отлучался со своего поста ни на секунду и что никто в это время с палубы в надстройку не заходил. Но дело в том, что вход в надстройку помимо наружной железной двери, в тихую погоду настежь распахнутой и закреплённой стопором, состоял из двух деревянных дверей, между которыми существовал небольшой тамбур — вполне достаточный для того, чтобы спрятаться. Человек, закрывший за собой первую дверь, мог не открывать вторую. Об этом раньше всего подумал Акимов, пытаясь свести концы с концами в противоречивых свидетельствах очевидцев. Бугаев, зная, что за ним следят с палубы, мог войти в первую дверь и зайти в тамбуре, а через некоторое время, обманув наблюдателей, снова тихо выскользнуть наружу и направиться в сторону неосвещённой кормы, где в это время не было никого.

О чём он думал перед прыжком в тёмную воду? Дал ли себе возможность задержаться на краю и ещё раз всё взвесить? Вдохнул ли парного воздуха тропической ночи, поднял ли в последний раз глаза на незнакомые яркие звёзды? Усмехнулся ли про себя столь абсурдному воплощению детских грёз о дальних странствиях и геройских подвигах, вспоминая когда-то сказанное старпомом, что все желания в конце концов осуществляются, только не всякий свою сбывшуюся мечту узнаёт... Или — как знать! — заветные книжные образы всё ещё поддерживали дух, и он серьёзно выверял по ним последние шаги, подавляя ледяной ужас, клацанье зубов и дрожь в коленях? Юношеское сердце честолюбиво...

Никто не знал, как всё случилось. Но когда ночные поиски на судне не дали результатов, почти никто уже и не сомневался, что случилось именно это.

Однако домыслы к делу не пришьёшь. Ухалину были нужны предметные улики, Пухло — гарантии того, что Бугаев не сбежал и не даёт показания недругам.

Утром с палубы корабля поднялся вертолёт и принялся низко облетать судно, всё расширяя круги. Он метался и зависал под ослепительным солнцем над бесконечной водной пустыней, как большая стрекоза, самым знойным монотонным стрёкотом своим навевая почему-то мысли о смерти.

По-другому напомнила о том же возня на самом судне. Вместе со сменной вахтой прибыли с корабля странные существа. Все одинаковые, в серых прорезиненных костюмах, с круглыми стеклами противогазов вместо глаз и хоботами вместо носа, они напоминали страшных насекомых. Это была специальная команда химической службы, о которой говорил Пухло. Неповоротливые в громоздких одеяниях, они осторожно спустились один за другим в тот самый трюм, где накануне без всяких защитных средств, обливаясь потом и покрываясь едкой пылью, целый день трудилась палубная команда сухогруза. Туда перекинули шланг, подключенный к гидранту на палубе. Брызнула пенная струя, зашуршали щётки...

На следующий день вертолёт для поисков Бугаева (или того, что ещё недавно было Бугаевым) не задействовали, но с военного катера предприняли что-то вроде траления: возле судна по дну туда-сюда протаскивали на тросе кошку. Исполнители занимались этим вяло и неохотно, матеря своё и штатское начальство, и всем было заведомо понятно, что глупость творится для галочки.

Тем временем изменился режим охраны. Кавторанг был удалён, вместо него от военно-морского командования прибыл с корабля краснощёкий упитанный капитан третьего ранга. Выставили дополнительно круглосуточную, вооружённую автоматами вахту на корме, на баке и на шлюпочной палубе. В столовой утром и вечером в одно и то же время устраивали проверки: ставили людей в шеренгу возле переборки и по списку выкликали фамилии. Вызываемых на допросы моряков теперь от двери до двери сопровождал дежурный с кобурой на поясе.

О том, какую легенду сочинили «наверху», Акимов впервые узнал от вернувшегося с очередного допроса Сикорского. Александр Васильевич был не в себе, ёжился в своём клетчатом пиджачке, точно ему вдруг стало холодно. (Ухалин с первого дня распорядился запустить на судне систему кондиционирования воздуха, которая при неприхотливых «рыболовах» в целях экономии топлива была отключена, но в набитой людьми камере это не избавило от духоты.) То садился, то вскакивал и начинал бродить и всё бормотал под нос:

— Сбежать из тюрьмы, слить, подрессорить... Перейти в другое состояние. М-да, вот уж поистине: перескочить в другое состояние.

— О чём вы? — спросил Акимов.

— Повторяю словарные значения слова «спринг», — сказал Сикорский. — Боялся, позабуду, пока сидим здесь. Да ведь не дадут забыть. Это же надо было так закодировать нас одним словом! Поневоле в колдовство начнёшь верить.

— Значит, там и «другое состояние» было? Смерть, что ли?

— Если бы смерть. Мёртвых всё-таки хоронят. Это значит — не быть. Не было человека, и всё тут.

— Про кого это? — тихо спросил старпом, ужасаясь своей догадке.

Сикорский не ответил, лишь зябко передёрнул плечами.

Попроше высказался, побывав наверху, Иван Егорович:

— Алексеич, они хотят на тебя Бугаева повесить. Вроде как из-за тебя парнишка того... Я тут подумал: ему ж теперь всё равно? Не нашли его, и ладно. Может, для него оно и лутче. Тебе-то зачем мучиться? А этим тоже не хочется в бардаке своём признаваться, что у них люди пропадают. Короче, для всех получается выгодней, чтобы его как будто не было. Ну, вообще не выходил он с нами в рейс. А? Как думаешь?

— Четырнадцать человек нас осталось, — пробормотал Акимов. — Целых четырнадцать человек с ним бок о бок больше месяца... Кто же осмелится на такое!

— Да все уж согласились, подписали, — вставил, не поднимая головы, Бородин.

— Все? Ругинис?!

— Да, Гера тоже.

— Пильчук, Карапетян, Симкин, ты сам?..

— Да, да.

— А... Светлана?

Бородин ещё ниже опустил голову, зачем-то потрогал отросший ноготь на большом пальце босой ноги.

— Я сам видел её объяснение. Она никакого Бугаева не знает.

— Что же вы так, ребята? — прошелестел Акимов одними губами. — Разве этим спасёшься...

Так что, когда затребовали наверх его самого, он уже знал, о чём пойдёт разговор.

— Возьмите, — первым делом сказал Пухло, с лучезарной улыбкой протягивая ему оброненную когда-то в трюме авторучку. — Во время уборки нашли.

— Да ведь она пригодится вам как вещдок?

— Ничего-ничего, вещдоков у нас хватает, — заверил Ухалин. — Например, фомка, которой проделали ту самую дырочку, помните? Это такой заострённый ломик, чтобы вы знали. Отпечатки там едва ли сохранились, она попала в трюме под химообработку, но если фонарь оставлен вами, то и фомкой, надо думать, орудовали вы.

— Надо думать. Только вы сами-то не запутаетесь во всём этом? Я, конечно, пособник пиратов, а судно ничего, кроме дров, не везло, но мне всё-таки придётся показывать, в чём я им пособлял, так? Придётся собственноручно написать: проделал фомкой дыру в одном из ящиков. А что было в тех ящиках? И куда они делись? Справитесь ли?..

— Вас ни в чём не обвиняют, — поспешил успокоить Пухло. — Скоро увидите близких. Дома-то кто ждёт?

— Равиль Ахметович смотрит на вещи чересчур оптимистично, — ядовито обронил Ухалин.

— Но, Максим Валерьянович, пока у нас к старшему помощнику в основном претензии морального свойства, — возразил Пухло. — Надеюсь, других и не будет. Он человек разумный и ответственный, всё в его руках.

Эта мимолётная стычка не выглядела преднамеренной, в ней ощущалось раздражение с обеих сторон. Ведомства, как понял Акимов, ещё соперничали, ещё не договорились между собой, кому взять его душу. Таинственная сень «имени Лихоноса» ещё сулила ему спасение — разумеется, не задаром.

— Мне надо покаяться, как перед судом инквизиции? — спросил Акимов.

— Вы напрасно паясничаете, — сказал Ухалин. — Вот какую оценку даёт вам второй помощник Грибач: «Низкий профессиональный уровень... Тщеславен... Груб, нетерпим с коллегами... К подчинённым проявляет жестокость, граничащую с садизмом». И ещё: «Склонял практиканта Бугаева к гомосексуальным контактам». Буфетчица Портянкина показывает: «Накануне исчезновения матроса Бугаева М. старший помощник Акимов В.А. долго с ним беседовал. Не знаю, о чём, но часто произносил слова «смерть» и «умирать». Я эти слова не люблю, поэтому запомнила». А вот моторист Симкин: «Матрос Чернец из-за старшего помощника капитана получил ранения, не совместимые с жизнью. Акимов приказал ему бежать на верхний мостик и сигналить оттуда кораблю. Акимов сам вызвал его наверх, обманув пиратов, а после заставил с ними драться». Знаете, чем это пахнет? В первом случае доведением до самоубийства. Во втором — превышением служебных полномочий, повлекшим за собой смерть подчинённого. Статьи серьёзные. Есть также показания матроса Жабина... Читать?

— Не обязательно. Жабин меня недолюбливает, я знаю. Но я вот слышу от вас: Бугаев, матрос Бугаев... Значит, был на судне такой? Как говорится, что написано пером...

— Эти показания устарели. Если мы сейчас договоримся — можете считать, что их нет, — сказал Пухло.

— У вас уже заготовлены новые? В которых все признали, что на судне не было не только ящиков, но и матроса Бугаева? А может, заодно и Чернеца, которого вы убили?

— За клевету придётся ответить, это ещё одна статья, — пообещал Ухалин.

— Что ж, давайте судиться. Взгромоздим на одну чашу весов мою клевету, на другую — вашу правду. А что, если завтра вся команда от своих новых показаний отречётся? Ну, даже не вся, пускай часть. Совесть в людях заговорит. Представляете, какой трезвон по миру пойдёт?

— Не пойдёт. У ваших коллег есть мозги, они понимают, от какой участи мы всех вас избавляем. Мы и сейчас можем уйти, пожалуйте! Кстати, по прогнозам приближается тропический циклон.

— Вы боитесь шторма?

— У нас-то будет возможность его избежать. А вот вы... Насколько мне известно, здесь почти не осталось топлива. И не работают навигационные приборы. Вам едва ли разрешат укрыться в каком-нибудь порту: вы все без единого документа, люди ниоткуда. Спасать таких в море — значит, иметь большие проблемы с миграционными властями, на это не пойдёт ни один капитан. Так что риск очень, очень велик. А шансов мало.

— Люди ниоткуда? Хорошо сказано. Фактически давно, теперь наконец-то формально... Ладно, команду вы запугаете. Меня, допустим, тоже. Но у Бугаева есть близкие, где-то живёт его мать. Он с ней наверняка созванивался перед отходом судна. Что вы ей скажете? А судовладелец? Ведь у него есть копия судовой роли. С капитаном порта, у которого копия тоже осталась, вы как-нибудь разберётесь, но судовладелец-то в Хельсинки!

— Хотите поговорить? — услужливо предложил Пухло.

— С кем?

— С Хельсинки! С компанией. Прямо сейчас.

У них была спутниковая связь. Акимов не успел опомниться, как ему сунули трубку:

— Говорите!

— Владимир Алексеевич, Володя, ну как ты? — раздался в трубке громкий голос Лихоноса. — Как все ваши, держатся? Держитесь, скоро домой! Мы соображаем насчёт сменного экипажа.

— Да всё ничего, Тимофей, — сказал Акимов. — Правда, нас тут обещают потопить.

— Ладно тебе шутки шутить! Всё такой же остался. Продуктов, воды хватает? Пока судно под вояками, мы ничем не можем помочь. Даже с бункеровкой. Вас ни в один порт с ними не пустят. Нажимайте на следователей, чтобы быстрее свои дела сворачивали и охрану снимали! Чего там ещё расследовать? Компания ведь потери несёт.

— Расследовать уже нечего, это правда. Тимофей, тут у нас на днях парнишка утонул, практикант. То ли сам решил умереть от хорошей жизни, то ли помогли... Да сам, наверное. Ты пришли по электронке судовую роль, а? Кое-что уточнить надо. Здесь все документы сгорели, у нас даже паспортов не осталось. Фамилия? Бугаев его звали, Михаил Дмитриевич. Матрос.

— Сейчас посмотрю, это у меня близко, — сказал Лихонос. — Бугаев, Бугаев... Нету, Володя, никакого Бугаева. Я вспоминаю, Красносёлов жаловался, что вы с недобором в рейс выходите. Как раз матроса и недоставало.

— Тимофей, тут какая-то ошибка. Бугаев был в списке, я сам печать ставил. И на судно ваши же агенты его направили, при нём бумага была. То ли ты смотришь? Подпись капитана там есть?

— Всё есть, и подпись, и печать. Никакого Бугаева. Боцман Ругинис, матросы Жабин, Сипенко, Чернец. Говорят, Чернец у тебя загнулся? Будто ты его послал куда-то не туда? Мы пока об этом не трубим, но всё как-то неладно... Неладно, Володя! Родственники нас с тобой на клочки порвут.

Акимов выпустил трубку из руки. Пухло, всё слышавший, глядел сочувственно.

— Тимофей Петрович просто не в курсе, — сказал он. — Вы правы, агентская фирма действительно направляла на судно некоего Бугаева. Но он сбежал, и двух дней не выдержал! Вот что капитан Красносёлов нам сообщил: «Практикант Бугаев был плохо обучен морскому делу, во время перешвартовки создал аварийную ситуацию на баке, за что был отстранён мной от должности и впоследствии покинул судно». Примерно то же показывает третий помощник капитана Бородин, он как раз руководил той швартовкой и излагает подробности очень эмоционально: «Я пришёл в ужас и зарёкся когда-нибудь ещё с ним работать». Электромеханик Лайнер тоже помнит Бугаева, он обратил внимание, что тот был сильно озабочен половыми проблемами: всех подряд спрашивал, как они обходятся в море без женщин. По его словам, просто маньяк какой-то. Матрос Жабин подтвердил, что Бугаев ничего делать не умел, всего боялся, возненавидел членов экипажа и признался ему на вахте в первую же ночь, что уже забрал у старпома свои документы и списывается с судна. У старпома, то есть у вас! Он приходил к вам с этим?

— Гм... Верно, приходил.

— Что же вы нам головы морочите! — с облегчением воскликнул Пухло. — Тело не найдено. В документах тоже никаких следов. Бугаев — плод вашей фантазии, вам просто подлечиться нужно после этого рейса...

— Да только я его не отпустил. Очень он мне понравился.

— Это в каком смысле?

— Догадайтесь, в каком. У Грибача спросите.

— Послушайте, Владимир Алексеевич, — доверительно заговорил Пухло. — Вы сейчас ведёте себя как какой-нибудь задиристый мальчишка-диссидент, который ненавидит свою страну и продаёт её интересы. Но вы уже в солидном возрасте и не можете не понимать, что стоит на кону. На нас сейчас смотрят со всех сторон, пытаюсь за что-нибудь зацепиться, разжечь мировой скандал. Речь идёт о престиже государства. Будьте патриотом, в конце концов!

— Почему-то родину особенно крепко начинают любить те, кто её приватизировал. Остальные, неимущие, любят обыкновенно... Давайте не будем больше тратить время на разговоры. Я ничего не забуду: ни Бугаева, ни Чернеца, ни ящики в трюме, ни ваши плутовские рожи. Я никогда не прошу вам загубленные жизни. И пока жив, буду об этом кричать на всех углах. Для меня «смерть» и «умереть» не столь противные слова, как для буфетчицы Портянкиной. До сих пор умирали не худшие. Можете и меня убить, но знайте: Россия от вас устала. Пора вам уходить.

Теперь он почему-то совсем не боялся, даже не гадал, что они с ним сделают. После всего, что случилось со Светой, с Чернецом, с Бугаевым, его собственная судьба и сама жизнь перестали его волновать. Ушло двусмысленное чувство — жалость к себе, перенесённая на ближних; осталась только безмерная вина, которую нельзя было ни объяснить постороннему человеку, ни с кем-то разделить, ни, к несчастью, искупить. Прежде он верил сам и убеждал других, что для живого всё поправимо. «Ты правда так думаешь?» — спрашивала Света в тот страшный вечер. Неизвестно, что она вкладывала в эти слова, в чём сомневалась и какую неправду чувствовала, но сам он только сейчас понял, что у правила есть страшное исключение. Живой, как он ни старайся, никогда не сможет оживить тех, кого нет. Им больше не нужна его любовь, они не увидят слёз раскаяния и не смогут простить. Каждый до конца дней обречён оставаться наедине со своей виной перед ушедшими. Мгновения, когда Света стояла рядом, вцепившись в его рукав, когда Бугаев задавал ему последний в своей жизни вопрос, миновали, их было уже не вернуть. Наверное, людей-то уже и в те мгновения было не спасти, что-то бесповоротное с ними уже произошло... но это не имело значения. Он не сумел. А потому и для него жизнь потеряла цену. Потому и никакие угрозы не могли его напугать.

Так что он нисколько не жалел о своём выборе. Одно только тревожило и усугубляло тоску — таившаяся в глубине сознания горькая мысль: а есть ли на самом-то деле та Россия, которая «устала»? Или она теперь вся — мертвецы да сумасшедшие? Несчастный, запутавшийся народ, не умеющий отличить своей пользы от чужой...

В столовой он уединился, сосредоточился в себе, и никто из команды не решился потревожить его расспросами. Все и без слов всё поняли. Сидели по своим углам, потупившись. Похоже было, что они ещё раньше, задолго предвидели результат, что все их разговоры и уговоры были так, для проформы, а прежде всего — попытками объяснить и оправдать свою слабость. Никто из них не сомневался, как поступит Акимов, и такое отношение к нему после всего, что терпел он в этом рейсе, было, может быть, с их стороны высшим признанием.

К вечеру стало покачивать: пошла крупная зыбь. Ухалин не солгал с прогнозом — где-то близко штормило. На Акимова качка подействовала как снотворное. Было ещё не поздно, ещё народ передвигался по столовой, запинаясь иногда об его лежащий на ходу матрас, перебрасывались репликами, хлопали дверью, включали воду и гремели чашками, горел большой свет, а старпома куда-то уносило. Похожие ощущения бывали в детстве, когда взрослые продолжали жить вечерней жизнью, а тебя уже сморило на диване... Он спохватывался, выгребал назад, на свой матрас. Слышал тревожные разговоры почуявших приближение непогоды моряков. Думал о том, что стихия всё-таки немного отрезвляет: не будь разных штормов, ураганов, землетрясений, наводнений, люди бы с головой погрузились в свои шкурные дела, затерзали один другого в озлобленном соперничестве, думали только о том, как вернее обмануть и погубить друг друга...

А затем Акимова всё-таки унесло, закружило в водовороте, и он оказался в другом месте.

Это была общага или дешёвая гостиница, не разобрать. Одно из тех пристанищ, где он провёл изрядную часть своей неприкаянной жизни. С ним рядом женщина, к которой его страстно влечёт. Она пришла, он знал, из номера или комнаты по соседству и тоже тянется к нему. Но они едва знакомы, встретились совсем недавно, и никто не осмеливается сделать первый шаг. Между тем в ком-

нате скоро могут появиться посторонние — сосед, дежурная по этажу... И тогда всё. Тогда ничего не вернуть, магнетизм любви разрушится. Такие мгновения, когда двое хотят раствориться друг в друге, — как дуновения ветерка, они неповторимы. Эта отчаянная мысль придаёт отваги. Его прикосновения получают согласный отклик, и вот уже они лежат в обнимку. Он чувствует её тепло. Она избавляется от лишней одежды, он пытается ей помочь. Но что-то заедает в застёжке бюстгальтера, не расцепляются крючки. Известная история! Она отстраняется, шепчет: «Подожди, мне надо сходить к себе. Это недолго». И уходит. Она уходит, а её тёплое тело остаётся лежать рядом с ним. И он в нетерпении продолжает это тело раздевать, справляется-таки с крючками, а сам думает: «Сейчас она вернётся; что скажет, как посмотрит на моё самоуправство?»...

Света — а ему снилась, конечно, она, только не сразу он это понял — не успела вернуться до его пробуждения. Картина была такой яркой и сильной, что Акимов очнулся со стоном, как от боли. Не открывая глаз, ещё не отойдя от сна, подумал: тело тёплое. Она ведь живая! Просто на время отлучилась. Почему же я решил, что её не надо спасать, что поздно?..

В эту минуту клацнул запор входной двери, послышалась ругань вахтенного. Старпом открыл глаза, с отвращением возвращаясь к реальности, приподнялся на локте, обернулся — и увидел возле самой двери её: босую, в одной сорочке, с распущенными спутанными волосами. Её дикий взгляд лихорадочно кого-то искал, пока не наткнулся на Акимова. Она испустила истошный крик, протянула вперед руки, кинулась к нему:

— Они хотят тебя погубить! Они тебя посадят!..

Через минуту дверь снова распахнулась, и в столовую ворвался Ухалин, зажимая рукой располосованную чем-то до крови щеку. За ним поспешно вошли дежурный мичман с кобурой на поясе, Пухло и Красносёлов. Акимов к тому времени держал Свету на коленях, как ребёнка. Она тряслась, всхлипывала, льнула к нему, поджав ноги и свернувшись калачиком, не разнимая обвинивших его шею рук. Кто-то из команды укрыл её сверху одеялом. Моряки сгрудились вокруг них плотным кольцом.

— Она сумасшедшая! — воскликнул Пухло с каким-то грустным изумлением.

— Кто же знал, — виновато бормотал Красносёлов. — Людей нет! Кого попало брать приходится.

— Заберите её, — приказал Ухалин мичману.

Дежурный попытался отодвинуть крайнего моряка. Им оказался Жабин.

— Полегче, тут тебе не караси, — с угрозой пробурчал тот, не тронувшись с места и сжав огромные кулаки.

Мичман невольно отступил и оглянулся на начальство.

— Девчонка не в себе, она больна, — крикнул Бородин. — Вы что, хотите её добить?

— Больше ничего не подпишу, — срывающимся голосом объявил Сикорский.

— Вас надо судить, — отчеканил Ругинис, глядя на Ухалина с омерзением. — Я отказываюсь от своих показаний.

— Понятно, если так пойдёт, мы все откажемся, — рассудительно подтвердил Сипенко.

Ухалин повернулся на каблуках и вышел, не сказав более ни слова. За ним растерянно покинула столовую свита.

В ту ночь моряки долго не могли уснуть. Кто-то после перенесённого возбуждения хотел выговориться, но Нина Васильевна решительно обрывала переуды:

— Помолчите вы, мужики! Пускай она поспит.

Света какое-то время ещё всхлипывала, иногда произносила бессвязные фразы. В конце концов она затихла, задремала в руках Акимова. Он уткнулся лицом в её рассыпанные волосы и сидел ни жив ни мёртв, оберегая её сон и желая только одного: чтобы эта ночь никогда не кончалась...

К утру погода посвежела, развело волну. Беспорядочно налетавшие с разных сторон шквалы ощутимо кренили судно. Около шести часов моряков потревожил Красносёлов, явившийся один: он поднял Ругиниса и попросил его сходить на бак, стравить якорь-цепь. Капитан опасался, что судно под ударами шторма начнёт дрейфовать, и решил зацепиться попрочнее.

В восемь утра дежурный не пришёл проводить традиционную переключку. Никто из тех, кто столовался в кают-компании, не любопытствовал насчёт завтрака. У Светы под утро обнаружился жар; она забылась под одеялом на старпомовской постели; Акимов от неё не отходил. Народ упросил Нину Васильевну и Стёпу приготовить чай с бутербродами. Старпом от чаю отказался, а Свету решили покормить после, когда проснётся.

Разбудить её всё-таки пришлось. Около десяти в столовую вошли Пухло и рыжий помощник важняка и предложили всем выбираться с личными вещами на палубу.

— Не оставляйте здесь ничего, едем домой! — торжественным тоном объявил Пухло, стараясь подчеркнуть эпохальность момента. Больше всех этим известием был, кажется, тронут он сам — до того, что в уголках глаз выступила мокрота.

К Ругинису и Лайнеру сказанное не относилось: следователь сразу отозвал их в сторону и куда-то увёл.

Моряки разбрелись по своим разоренным каютам, собирать пожитки. Акимов попросил Нину Васильевну забежать к Свете и принести всё, что у неё там было, прежде всего одежду. Затем вместе с буфетчицей помог ей одеться. Света подчинилась безропотно и безмолвно; казалось, она не понимает, где находится, и никого не узнаёт. На минуту оставив её под присмотром Нины Васильевны на диване в холле, старпом поднялся в свою осквернённую каюту, где в эти дни обитал Пухло, машинально побросал в сумку одежду из шкафа, бельё, какие-то сохранившиеся после двух погромов, казавшиеся теперь ничёмными вещицы. Вернулся к Свете, вышел с ней на палубу. Тут один из военных моряков выхватил у него сумку, а рыжий следователь показал какую-то бумагу и предложил вытянуть руки.

— Я должен быть с ней, она очень слаба, — сказал Акимов, поддерживая Свету, висевшую у него на плече.

— Вы останетесь с ней, и ей ничего не грозит, — заверил стоявший тут же Пухло. — Чем быстрее вы подчинитесь, тем меньше будет беспокойства ей и всей команде.

Он подчинился, на запястьях защёлкнулись наручники, и Света, казалось, действительно ничего не заметила, по крайней мере, никак на это не отреагировала. Моряки тем временем один за другим выходили из надстройки с вещами и понуро скапливались у трапа. С некоторой растерянностью наблюдал за происходящим капитан.

— Я остаюсь, — зачем-то обмолвился он Акимову. — Я и ещё трое наших. До прибытия сменного экипажа.

— И опять не знаю, стоит ли вам завидовать, — ответил старпом. — Чует моё сердце, что вам тоже придётся несладко.

У борта бился на волнах катер. Свету попытались оторвать от Акимова, но она — скорее всего, уже бессознательно — крепко вцепилась ему в плечо, и спускаться по скачущему трапу пришлось вместе: впереди шёл, подстраховывая Свету, матрос из охраны, а сбоку, как приклеенный к ней, старпом со скованными руками. Затем под конвоем спустили и провели на корму «рыболовов». Последними сошли Ухалин с хмурой, обклеенной пластырем физиономией и Пухло, спустили их вещи — и катер отчалил.

Примерно через два года после этих событий в одной из припортовых забегаловок Гамбурга, где можно выпить пива и закусить толстой сосиской с капустой, случайно встретились два моряка. Они бы и не заметили друг друга, если

бы не характерный голос одного из них — пускай осипший, потускневший, да модуляции очень уж памятные.

— Александр Васильевич, ты ли? — спросил человек с неважно выбритым, землистого цвета лицом, обернувшись от столика к тому, кто своим запоминающимся голосом как раз заказывал у стойки пиво. — Ну как же ты постарел!

— Борис Исаакович! Да уж. Вы тоже моложе не стали...

Сикорский подсел к Лайнеру. Обменялись обычными моряцкими новостями — кто из них на каком теплоходе теперь ходит и по какому случаю тут оказался. Сразу вспомнили, конечно, недавнее прошлое.

— Что-то пресса про наше дело помалкивает. Совестно им стало, что ли, — заметил Сикорский.

— Я ведь выступал на суде свидетелем, — признался Лайнер. — Никто факта вымогательства так и не доказал. Болтовни было много, и всё вразнобой. Я уж нашим финнам говорил: ребята, ну договоритесь вы хоть между собой, когда именно вам звонили с парохода и какой выкуп за ваше судно требовали! А разбойники, ну, пираты которые, подали встречный иск: сказали, что их держали в тесных душевых кабинах и кормили одной кашей, и у них от этого геморрой разыгрался. В общем, замяли дело: кому предварительную отсидку засчитали, кого просто отправили восвояси. Они же почти все иностранцы! И чего им было надо...

— Как — чего? Показать всему свету, что Россия продаёт ракеты в обход эмбарго. Боб и компания — чьи-то наёмники. Мы там под замком у них сидели, а политики думали, как поделикатнее из положения выйти. С заинтересованными сторонами торг вели. Оттого и весь мир молчал: каждый для себя что-то выгадывал.

— Там еще журналист один болтался, всё хотел какую-то правду выведать...

— Женя Скороходов? — сразу вспомнил цепкий на имена Сикорский.

— Кажется, да, Скороходов... Какая у государства может быть правда? Государство не Иисус Христос, а он, как говорится, не Пилат, чтобы дознание вести. Послали его куда подальше.

— Посадили, что ли?

— Не знаю. Пропал.

— Вы ведь тогда на судне остались? Долго вас по морям носило?

— Месяца два, это уж точно. Если не больше. Никто принимать не хотел! Ни в один западный порт не пускали, даже Мальта отказывала. Страна флага не хотела собственное судно приютить! Что-то, мол, у вас не чисто. И это после того, как наши военные химики всё до блеска отдраили. А потом, слушай, говорят: где это вы полтыщи тонн груза сбросили? Они, значит, нашу осадку заметили, когда мы ещё с Балтики проливами выходили, а на обратном пути у них, видите ли, не сошлось. Где сбросили! Да один я за это время килограммов десять, наверное, весу потерял. И ещё судовладелец начал бунтовать, тянул со сменным экипажем. Добивался возмещения каких-то там убытков. Кто ему возместит, мы, что ли? Так мы сами без порток ходим. Только когда Россия надавила как следует на всех, когда на самом верху стали молнии метать...

— Эти-то, которые наверху, между собой всегда договорятся. У всех у них рыльце в пушку. Перевозка незаконная, а нападать в море на торговое судно, держать моряков в плену — это что, законно? Да если откроется, что за страна это подстроила, им же с нами ввек будет не рассчитаться! В таком деле огласка и ясность никому не нужны. Сговорились на чем-то между собой и довольны. А мы для них... Эх, Борис Исаакович! У меня, может, полжизни эта история отняла. Сам себе опротивел. Видишь, как поседел? А мне ведь ещё тридцати нет.

— Ну, ну, расскажи про себя-то! Когда ты со своей Александрой свет Генриховной увиделся?

— Да только в середине октября. Четырнадцатого числа, как сейчас помню, и увиделся, и услышался впервые. А до того держали всех в каком-то секретном месте взаперти, каждого отдельно. Беседовали, наставляли, отрабатывали версии. Взяли подписку о неразглашении. Как в разведку готовили. И главное,

документы не выдавали, этим за глотку держали. Снова против Акимова что-то заставляли подписывать, снова про Бугаева, то так, то этак... А я его тетрадочку помню, он мне сам давал почитать. «Быть спокойным, свежим и густым, как молодая трава»... А? Не жилец он был, конечно. Но красиво. Или вот ещё: «Жизнь очень короткая. Жизнь коротка именно оттого, что она вся кажется ещё впереди, и даже в день смерти то, что уже прожито, — ничто. Жизнь коротка, а человек жаден и жалостлив, он может снести лишь внезапную смерть»...

— Ты что это, наизусть шпаришь?

— Ну, я всё-таки полиглот... А такое, знаете, не забывается. Смешной был парень.

— Слушай, а зачем тебя с Акимовым-то мучили? Ведь он сразу помер!

— Сразу, не сразу... Да и не знаю, честно говоря, помер ли. Недавно ещё в колонии сидел.

— Где сидел! Он в корабельном лазарете помер. Упросил оставить его ухаживать за своей дамой сердца, у неё менингит инфекционный был, от неё и заразился. Он-то помер, а её выходили. Так она, говорят, как узнала, тотчас руки на себя наложила...

— Ладно вам, Борис Исаакович. Больно уж возвышенно, на Шекспира смахивает.

— Точно говорю тебе! Войки же нас на буксире вели, всё нам рассказывали. В эти дни и случилось.

— Ну, если сами рассказывали, тогда... Тогда, значит, крепко их старпом с поварихой зацепили. Он с нами в Москву летел. Когда их силой разлучали на корабле, всё кричал военным: «Берегите её, она ваша жизнь!»...

— Вот, вот! «Она — ваша жизнь». И ещё: «Как вы не понимаете? Жизнь уходит!» Это когда у него уже воспаление мозга было. Нам дежурный мичман передавал.

— Не было у него никакого воспаления. Говорю, в одном самолёте летели. Я сам, правда, не видел, его отдельно от нас держали, как особо опасного. Мне Юра Бородин порассказал, я его с полгода назад, как вот вас, совсем случайно в Италии встретил. И про то, что старпома к восьми годам строгого режима приговорили, и как Светка на это отреагировала... Юру ведь тоже тогда ожгло, он по уши в неё втюрился. После освобождения каждый её шаг отслеживал. Светку в психушке почти вылечили, готовили уже к выписке, а тут она вдруг узнаёт о приговоре... Затосковала, ослабла. То ли простыла, то ли заразилась чем. В общем, не стало её.

— Что, так Бородин сказал?

— Бородин.

— Вот фантазёр!.. Да. Выходит, так ли, этак ли, а она померла. Жалко девчонку... Ты мне вот что скажи: не случись с нами этой истории — как бы они, по-твоему, все кончили, а? Ну эти: Акимов, Бугаев, Чернец... Я думаю, что так же. Сам говоришь, Бугаев был не жилец. Нашли бы и остальные свою погибель. Без нас с тобой. Известно: свинья грязи всегда найдёт.

— Что вы такое говорите, Борис Исаакович, господь с вами...

— Это так, пословица к случаю припала. Я ведь знаю, что вы все думали: Лайнер — дурак, Лайнер что угодно ляпнет, Лайнер всё стерпит... А у меня, между прочим, жена померла, когда нас по морям носило. Сердце не выдержало. Вот что я не могу понять: ну, наложили они нам дерьма, ну, облажались... Так разбирайтесь между собой! Мы-то при чём? При чём тут перевозчики? Разве мы на такую работу нанимались? Вроде бы демократия кругом, почему же нас не спросили? Зачем потом таскать было, мучить, издеваться? При чём тут наши семьи? Мы что, все крепостные у них? Как, за кого надо голосовать, чтобы не валили нам больше всякую дрянь?..

Сикорский опустил глаза и не прерывал сбивчивого монолога: чувствовал, что это от души, что давно копилось.

— Ушедших не вернуть, — пробормотал он, когда Лайнер наконец угомонился. И зачем-то добавил: — Да и некуда возвращать...

— Вот, точно, — подхватил Борис Исаакович. — Успокоились — и ладно: считай, повезло. Другое дело Грибач, который вторым помощником у нас был. Помнишь его? Он теперь спецпредставитель по морским делам, в Лондоне сидит! Быстро люди растут. Ты молодой, вот на кого тебе надо смотреть, а не за тылком вперёд идти...

— Кто же на пароходе остался?

— Нет больше парохода! Прошлой зимой сел у берегов Норвегии на скалы и затонул. Говорят, компания разорилась.

— Понятно. Грохнули, получили страховку и разбежались. А другие наши где? После того как мы в столовой рядком ночевали, они мне прямо как родные.

— Да я мало про кого знаю. Слышал, что мастер наш перешёл к немцам на контейнеровоз. «Дед» на пенсию подался. Сипенко тоже с флота ушёл...

— Иван Егорович? Отменный был моряк.

— Уехал к себе в деревню. И боцман, говорят, где-то на берегу устроился...

— Какой всё оригинальный народ! А пропадает ни за что. Кто спивается, кто в бочку лезет... То бишь в трюм. Помнится, вы когда-то хотели найти среди нас заговорщика...

— Не было никаких заговорщиков. Какие заговорщики, если уже сказано тебе, что пираты? Захватили первый попавшийся пароход и рады. Мы же все вместе в плену у них сидели. Будь ты, к примеру, заодно с ними, захотелось бы тебе через всё это пройти? Но я так скажу: мы все заговорщики. Собрались, понимаешь, на одной шестой части суши... Теперь-то меньше, это меня так в школе учили... Собрались, и рот на замке. Никому не рассказываем, как живём. Лично я потому и плаваю — на берегу только подышать остаётся. А слышал, — Лайнер пугливо огляделся и перешёл на шёпот, — Колун тоже на повышение пошёл, теперь большая шишка. Недавно по телевизору выступал, требовал ужесточить контроль над перевозками. Говорит, моряки злоупотребляют вольницей, того и гляди родину распродадут. Нужно смотреть за ними в оба. Есть уже договоренность с иностранными спецслужбами. Установят, значит, повсюду скрытые видеокамеры, даже в галюнах, и объединят в единую систему. Знаешь, как они хотят её назвать?

— Как?

— Global Spring!

Сикорский поперхнулся, отставил кружку.

— Ничего, — задумчиво сказал после паузы, разом постарев ещё на десяток лет. — В первый раз, что ли? Соскочим.